

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ**

№ 7
1982

Степан
Залевский

На
легких
ветрах

Степан Залевский родился в 1948 году в селе Калиновка Кокчетавской области. Прежде чем поступить в Литинститут и закончить его, он сменил не одну рабочую профессию. Трудился и трактористом на целине, и слесарем на «Уралмаше», и токарем в Москве. На Дальнем Востоке служил в армии.

Познание жизни в разных уголках нашей страны, познание себя в ней и окружающих людей — все это находит отражение в его прозе. Рассказы Степана Залевского, радующие своеобразной живостью и свежей образностью, публиковались в «Литературной России», «Урале», «Москве» и были отмечены критикой.

«На легких ветрах» — первая повесть Степана Залевского.

Написана повесть живо и увлекательно. Лучшие страницы, а их большинство, отмечены профессиональным мастерством. Повесть зримо воссоздает приметы нашего времени, в которых явно ощущается живое дыхание современной сельской жизни.

И хочется верить, что с выходом этой книги мы будем очевидцами того, как на наших глазах происходит становление писателя Степана Залевского.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

МОЛОДАЯ № 7
ГВАРДИЯ 1982

Степан
Залевский

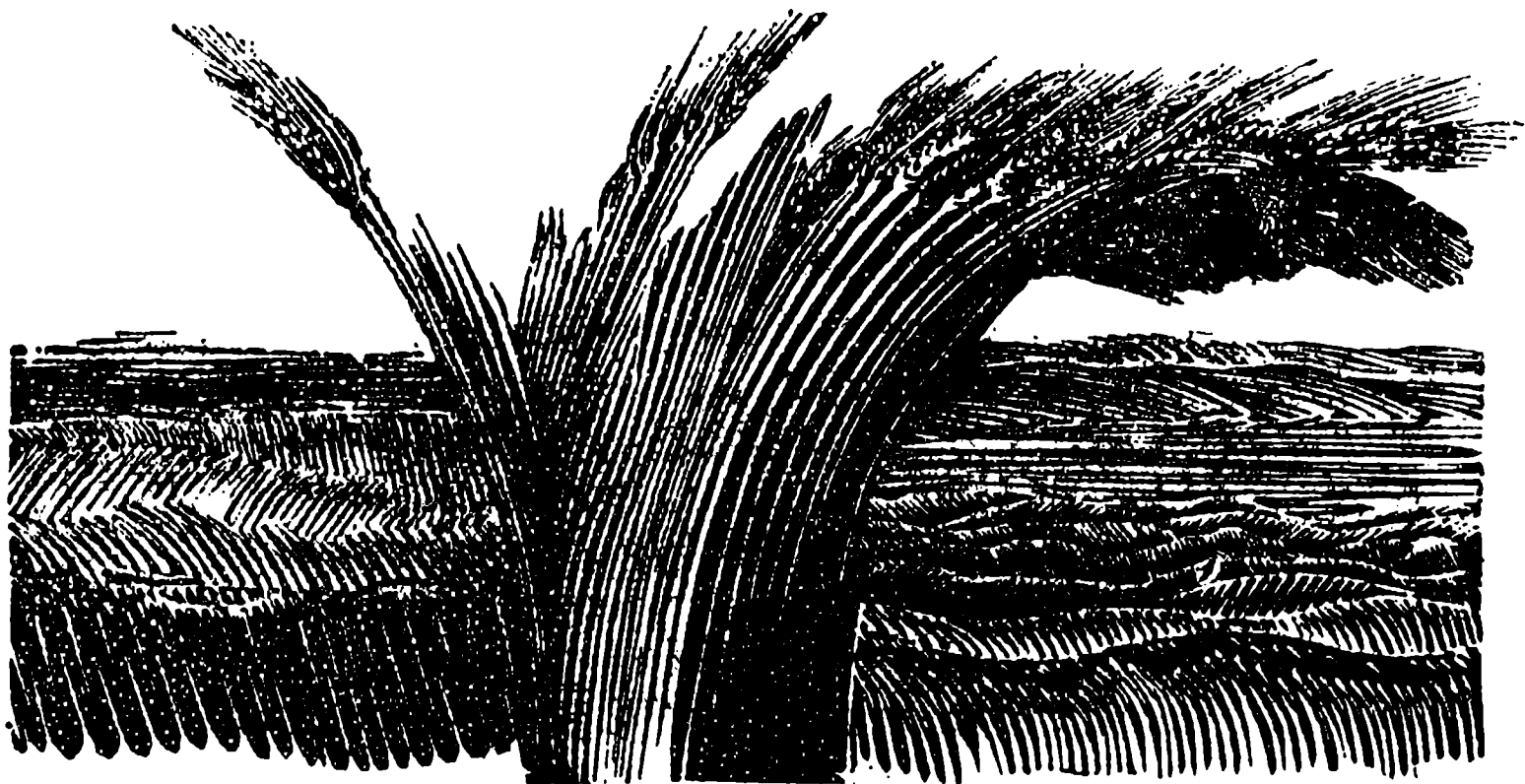
На
легких
ветрах

Повесть

Москва
«Молодая гвардия»
1982

Художник М. ЛАРЧЕНКО

© Издательство «Молодая гвардия»
Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1982 г.
7(14)

...И вошли в загонки все три бригадных агрегата. Тракторы вели дядя Вася, Петруха и Жора. Механизаторы здесь — народ ко всему привычный. Рабочий день начали легко и сноровисто, будто не существовало вчерашней гульбы. Делу время — потехе час, особенно в посевную.

Первый день сева начался для них по-будничному знакомо. А вот Лешка, впервые став на сеялку, заволновался: сумеет ли он трудиться наравне с напарником по агрегату, казахом Тулигеном? Тому, наверное, и в голову не приходило, что парень, приехав на практику из профтехучилища, может всерьез забить голову такими пустяками — они обслуживали каждый по две сеялки в Жорином агрегате. Все «водяные рубашки», системы враз выскочили из Лешкиной ученой головы, предлагая взамен пугающе голое поле и одну лишь, казалось, сеялку на нем да неумелые Лешкины руки.

Песок на зубах и рябь в глазах от бесконечной борозды. Она укачивает до тошнотворного головокружения. Забиты уши тракторными шумами, и не во сне, а

наяву черное солнце над головой. Черное — от пыли над сеялочными агрегатами.

Как хотелось Лешке спрыгнуть на развороте с сеялки, перемахнуть метры мягкой пахоты и развалиться на молодых весенних ковылях — лежать и ни о чем не думать! Но Жорин трактор если и останавливался, то лишь для того, чтобы заправить сеялки зерном, обработанным ядохимикатами. И, разравнивая в ящиках зерно, Лешка вдыхал не ковыльные запахи, а приторную, до спазм ядовитую пыльцу, которая щедро валила из грузочного шнека автозаправщика. И вновь бесконечная борозда, и вновь пыль забивает уши, рот, а Жорин трактор заходит на новый и новый круг...

Да, оказывается, вместе с весенними томлениями, с волнующими желаниями и мечтами, с романтикой и героизмом существует и такая жизнь — серая от пыли, изнуряющая усталостью. Одним словом — трудовая. И нет здесь места маете по неизведанным странам. Он не был готов к такому дню и потому испугался. Казалось, день этот никогда не кончится. Казалось, что и не день это вовсе, а беспросветье, не имеющее начала и конца.

Просвет наступил неожиданно — обед. Дежурная машина — одно из новшеств бригадира — привезла повариху Настю с термосами, запах от которых был теперь милее всех других. Враз притихли на меже тракторы, улеглась пыль. После многочасовых шумов гнетуще давила тишина. После ненадежных, норовящих выскользнуть из-под ног сеялочных поликов непривычной была твердая земля под ногами. Неестественно звучали людские голоса в тишине. К ним привыкали заново. Люди не говорили, а кричали друг другу. Но вскоре пахучий и жаркий Настин кулеш всех успокоил, и лишь постукиванье ложек тревожило тишину.

Подрулил бригадир на мотоцикле. В коляске — запчасти. Первый день посевной что первый блин —

не ровен час комом подавишься... Но серьезных поломок пока не произошло, так, пустяки, которые тут же устранялись. Бригадир светлел на глазах: улыбался, шутил, заигрывал с трактористами и сеяльщиками, и вот-вот, казалось, пойдет он отмахивать присяды иль прокукарекает, а то и соловьем зайдетя от любой их неумной прихоти.

«Ну и ну...» — уныло отметил про себя Лешка такую перемену в бригадире. Он припомнил вчерашний день, когда в морозящем дожде, взъерошенный от беспомощной ярости, метался тот по бригаде:

— Какая сволочь выдала деньги дяде Васе? Был же наказ — не выдавать! Где другие трактористы? Где Петруха? Где Жора?

Выяснилось, что кассирша новенькая. Она не знала его приказа.

Вскоре, горланя боевую песнь, в бригаде показался Петруха. Один.

— Где дядя Вася? — рванул его за грудки бригадир. Затрещали швы спецовки, и посыпались пуговицы. Петруха отрезвел:

— На станции. Отдыхает в скверу... Я за транспортом...

— Там же милиция! — взревел бригадир. — Заберут!..

...Сейчас весь он от головы до могучих лопаток, выпяченных под рубашкой, казался таким нехитрым и ласковым отцом, что его безвозрастные «дети» не должны были оставаться равнодушными.

— Да ты остынь, бригадир, кулеша вон поешь, — обронил Петруха с ленцой, но по выражению его голоса и по самой «осевшей» уже в сон фигуре было видно, что поведение бригадира — и вчерашняя ярость его, и сегодняшнее благодушие — все это не ново для Петрухи да и для остальных, а давным-давно известно и привычно. Один только Лешка, неискушенный в этих

тонкостях, таращил глаза на белый свет, и молодое его недоумение, уже изрядно разморенное усталостью, нет-нет да и взбрыкивало в нем: «И орет, и при-танцовывает — и все только для плана. Вон как «лапшу на уши» мотает и Петрухе, и дяде Васе. «Отметим!», «Поедем!», «Поможем!» А вчера?.. Эх, План Планыч — вот ты кто, и больше никто. И практикант Алешка для тебя — нуль, пырей. Станешь ты из-за такого план срывать, как бы не так. А на сеялке потрястись не желаешь, Алексей Николаевич, да еще на подхвате, растуды твою ученую душу?»

Про ученую душу Лешка придумал специально — для пущей, взлелеянной на бригадира обиды, поскольку все неудачи и промахи он вмиг перечислил на его счет. И чтоб не дойти до беды, не высказать ему сейчас всего, что наболело (тогда ведь и характеристика прощай!), Лешка поплыл в сон... И сразу же в закрытых его глазах возник свет сегодняшнего дня, и голос бригадира спросил кого-то:

— Ну как наш хлебороб, справляется?

Лешка не считал себя хлеборобом, но сразу понял, что речь о нем, и сжался, ожидая ответа. Его не последовало, а бригадир сказал:

— Ты вот что, Жора, выбери все же время да посади его за фрикционы, пусть дерзает!

Снова не услышал Лешка ответа, и снова сказал бригадир:

— Ну, план — это, конечно, хорошо, но человек все-таки лучше... Да и справится он. Настырный...

Лешка открыл глаза. Над ним стоял бригадир. Глаза его смеялись.

— Ну как, справишься, практикант? А то, гляди, без компота оставим...

Эта инициатива вконец расположила Лешку к бригадиру, придала уверенности, а главное, ему подумалось, что поднялся теперь его авторитет в глазах других сеяльщиков.

Год назад окончил Лешка школу, и сразу родной городок показался ему тесным. Приобрел билет на поезд (долго ли!) и укатил за сотни километров от дома. В город! Там его, естественно, никто не ждал, город принял Лешку с прохладцей. Мельком и без интереса глянул сотнями равнодушных глаз на улицах. Пожелтевшее от дождей и времени объявление на старом, облупившейся краской заборе определило дальнейшую Лешкину судьбу. Отныне он учится на тракториста-машиниста широкого профиля. Такое училище было и в родном городке, но тряский автобус увозил его уже все дальше и доставил наконец в глубинный район незнакомой области на целине. Романтика!

Долгую зиму он постигал премудрости сельскохозяйственной механизации, потом с не меньшим усердием «нарезал резьбу в носу», как сказали бы его сокурсники. Но сокурсников к тому времени не было — уехали на практику. И Лешка остался в одиночестве. Грустно? Ничуть. Лешка выиграл свободу.

Еще осенью он самостоятельно подыскал совхоз в районе. Правление согласилось заключить с ним денежный договор. Условия, как и везде, — по окончании учебы отработать там два года.

Лешкин расчет был прост: после училища заберут в армию, и все дела! А лишние деньги не помешают. Такому решению способствовало и само название совхоза — «Разгуляевский», где живут, конечно, люди с душой нараспашку, простые и бесхитростные. А несовместимость слов «Разгуляевский» и «дисциплина» вселяли надежду на свободу действий. Дисциплину Лешка не жаловал. Это слово, сухое и официальное, нагоняло на него уныние. Как резкий щелчок кнута в руках пастуха возвращает отбившуюся от стада корову, так и это слово заставляет быть бездумным исполнителем чужих желаний и прихотей. Дисциплина по-

сягает на личность, отнимает самостоятельность решений. Так ему казалось.

Тогда же, осенью, Лешка съездил в «Разгуляевский». Его, правда, не встретили радостными улыбками, но договор заключили: кадры совхозу были нужны позарез. А напоминания о судебной ответственности и недовольное выражение на лице кассира, выдававшего деньги, он истолковал слякотной погодой. Серое небо, серые раскисшие дороги, серые облетевшие тополя и даже воздух, серый от водяной пыли, — все это, думалось Лешке, испортило настроение разгуляевцев.

С тех пор он не был у своих кредиторов. Деньги аккуратно перечислялись на училище, он аккуратно клал их в карман. Но ту же сумму начали вскоре получать все двадцать пять человек в группе. Они заключили договор с представителями другого совхоза, которые специально приезжали для этого в училище.

Вчера группа уехала на практику, а Лешку ждал «Разгуляевский» — одного. И ехать туда почему-то не хотелось.

«Эх, Лена, Лена... — горевал он по дороге в общежитие. — Целуется, наверное, теперь со Славкой».

И эта коварная догадка занимала его мысли полностью.

«Эх, Лена, Лена...» — горевал он, укладывая вещи в спортивную сумку с броской надписью «Аэрофлот». Тревога за Лену была искренней. Первая девчонка, с которой он поцеловался, вернее, которая его поцеловала. Лена, как она говорила, ради его же будущего решила научить Лешку этому мастерству. «Уроки» понравились и ученику и учительнице и затянулись, а к весне сделались необходимыми. Славка им завидовал...

— Эх, Лена, Лена...

Через несколько часов Лешка подходил к «Разгуляевскому». Земля подсыхала. Два-три дня — и на-

чнется сев. В училище строго наказали требовать в правлении трактор, на сеялку и на другие, пусть даже привлекательные, подсобные работы не соглашаться. Ведь он молодой специалист. Правда, Лешка плохо представлял себя таковым, но на тракторе, естественно, хотелось покрасоваться.

«Трибуна. На ней парень, не высокий, не низкий — так себе. В лице тоже вроде ничего выдающегося — а герой! Это он, Лешка, лучший тракторист области! Ему что-нибудь вручают, вроде «Жигулей», гремит оркестр. Аплодисменты и цветы, цветы... А он скромно улыбается. Лена украдкой вытирает слезу, жалеет, что целовалась со Славкой, а Славка скрипит от зависти зубами...»

Кто знает, куда бы занесло Лешку в мечтах, но ноги уже ступали по улице Разгуляевского. Село как село. Таких много в последние годы появилось на целине. Похожие друг на дружку одно-двухквартирные домики, огороженный штакетником большой сквер в центре, где на высокий постамент вскарабкался старенький ДТ-54 и замер в горделивой осанке, чуть расслабив натруженные гусеницы, словно почетные пенсионеры руки. Фотографии этих пенсионеров можно увидеть в музее первоцелинников, что напротив. А невдалеке новый Дом культуры. Тут же и двухэтажное здание правления совхоза.

Первыми Лешку встретили скучающие от безделья поселковые собаки, словно брошками, увешанные прошлогодними репьями. Они проявили нездоровый интерес к сумке, в которой лежало триста граммов отдельной колбасы. Сумка висела на левом плече, и собаки бежали по левую сторону. Но стоило перекинуть сумку на правую, как и собаки, не замедлив, бросались направо. И можно было до потемок веселить себя, если б не зачехленное ружье, висевшее тоже на плече и мешавшее этой забаве.

Модная кепка удачно смотрелась на фоне Лешкиного свитера, на груди которого была изображена чья-то заросшая волосами неустановленная личность.

Окруженный вниманием собак, Лешка не без гордости дошел до правления совхоза.

Навстречу ему из правления вышла древняя старуха, и Лешка открыл рот. Надо сказать, его рот часто открывался от сильных впечатлений, но избавиться от этой привычки он не мог.

На старухе — немыслимый черный наряд, но не это поразило Лешку. Привязанные нитками за уши, сидели на носу очки, но и не это... Ноги ее стояли (именно стояли) в огромных валенках, настолько огромных, что и размера такого, наверное, нет.

Под зловещим ее взглядом Лешка вмиг захлопнул рот и отскочил. Старуха три раза перекрестилась и плюнула в сторону нечесаного отрока, живущего на Лешкином свитере.

— Сгинь, нечистая сила! — И, как в замедленной съемке, прошагала в валенках по молодой травке, брезгливая и негодующая...

«Ну и бабулька», — входя в правление, Лешка оглянулся на всякий случай. «Бабулька» вышагивала в отдалении, не оглядываясь.

Правление в начале весеннего сезона — корабль в штормовую погоду...

Беспрерывно звонят телефоны: угрожают, умоляют, льстят — и все ради одной цели: требуются люди, люди, люди, которых у начальников кадров, как правило, нет. Не было их и у «Разгуляевского». Кричала, стонала, захлебывалась возмущением селекторная связь...

Лешка кожей ощутил несоответствие своего наряда с обстановкой и, рискуя оказаться в нелепом положении, почувствовал себя беспомощно-жалким:

— Я... Я из профтехучилища, на практику...

— Вот кто из нас денежку-то доит! — зловеще изрек директор. — Специалист... Это ты себя, что ль, на

доску Почета вывесил? — и кивнул на Лешкин свитер.

— Да что вы... Да я... Да мы... — лепетал Лешка, но директор его не слушал. Уходя, коротко бросил начальнику отдела кадров:

— В пятую бригаду...

В тесном коридоре правления Лешка изучил незнакомые графики и всевозможные сводки. Пятая бригада в них числилась на последнем месте. Он припомнил, что и «Разгуляевский» в подобных сводках «районки» числится обычно на этом же месте. Видел на этом месте и район в сводках областных газет.

«А что, если и область...»

Бригада располагалась в пятнадцати километрах от центральной усадьбы совхоза. Везучий — доедет на попутках, нет — пробежится пешочком. Полезно.

Лешка считал себя везучим, и в степи его действительно нагнали. Но не машина, а мотоцикл «Урал» с коляской. Водитель зло тормознул и, перекинув на губах замусоленную папиросу, кивнул на коляску.

«Напоминает чем-то Маяковского», — отметил про себя Лешка, и сиденье под ним прогнулось. Ноги оказались на уровне головы. Водитель поддал газу. Пересяживаться поздно. Лешка примостил на коленях ружье и затих. «Чего, однако, такие злые эти разгуляевцы?» — недоумевал он, поглядывая на своего «благодетеля». И, как бы в доказательство этого, водитель так газанул, что мотоцикл будто стеганули сзади кнутом. Стало холодно. Лешка натянул на глаза кепку. Мотоцикл прыгал на ухабах, метался из стороны в сторону, а водитель все увеличивал и увеличивал скорость.

Лешку то подбрасывало вверх, и тогда казалось, что коляска вот-вот выскочит из-под него, а сам он шлепнется с ружьем на дорогу, то швыряло влево на водителя, но тот намертво вцепился в руль и не замечал Лешки, забыл о нем.

При очередном «взлете» Лешка ненароком взглянул на спидометр и всерьез испугался. «На сто километров в час жмет по такой дороге? Он, верно, пьяный».

Но стрелка спидометра упорно ползла вверх, и, чтобы обратить на себя внимание, он начал кричать водителю чуть ли не в ухо все, что придет на ум:

— Вы в пятую?

Молчание.

— Я тоже!

Ветер.

— Вы похожи на Маяковского!

Не слышит.

— Вы любите Маяковского?

Молчание.

— Врангель прет, отходим мы! Врангелю удача!

Мотоцикл резко тормознул, и Лешка больно треснулся лбом о ветровое стекло.

— А ну слазь! — «Маяковский» содрал с Лешки модную кепку и швырнул по ветру. Та, описав полукруг, шлепнулась в подсыхающую лужу.

— Ты что дерешься! — возмутился Лешка, но из коляски выскочил.

— Кусок от хипаря! — Мотоцикл плюнулся выхлопными газами и умчался.

— Пейзаж... — Лешка поднял заляпанную кепку. — Вот дурак! — Он ничего не понимал.

Окинув степь, где ни слева, ни справа, ни вширь, ни вдаль, кроме распаханного чернозема, не видно ничего, он пришел к выводу: что ни делается — все к лучшему.

Перекинув за плечо ружье, он споро зашагал в незнакомую сторону. Вспомнил о колбасе, уничтожил ее на ходу, и жить стало совсем хорошо.

— Дурак, — вздохнул он, вспоминая недавнего «благодетеля» и почему-то Лену. — Эх, Лена, Лена...

Тишина. Она будто подушками обложила уши, даже мысли и те онемели. Выстрелить бы в воздух, про-

сто так, разогнать это наваждение. Но передумал — пожалел патрон.

Надо сказать, что больше, чем просто так, он не стрелял. Просто так он без промаха наловчился попадать в пустые бутылки и консервные банки и давал пострелять другим.

Ружье это, двадцать восьмого калибра, с длинным стволом, искореженным внутри оттого, что вместо дробы применяли подшипниковые шарики, было, конечно, убогим, но стреляло. А это главное. Его привез в училище неизвестно откуда Славка и вскоре променял Лешке на брюки. Оба были довольны.

А ранней весной он вышел на охоту. Его провожали всей группой, нацепили сумку для стреляных уток. Лешка дотемна бродил среди весенних разливов Ишима и палил, палил на совесть. Увидит в небе стаю уток — бах, бах! Утки, конечно, летят дальше, а Лешка ждет, задрав голову, — не упадет ли какая? Нет, не падает.

Утка в небе — предмет охоты. Ни глаз ее не видишь, ни живого тела не ощущаешь. Стреляешь, не задумываясь, что можешь лишить ее совсем не абстрактной, а реальной жизни. Лешка уверен — поставь эту утку мишенью вместо бутылки, он не смог бы нажать курок. И каким он стоял растерянным, когда увидел в полуметре от ржавого лемеха, по которому только что стрелял, как по мишени, подбитого им кулика. Тот трепыхался, затихая, в мелкой лужице, неестественно подвернув голову. По тонкому клюву стекала кровь. Видно, срикошетило... Он поднял кулика за крылышко и положил на сухой бугорок...

Больше он не ходил на охоту. А ружье — вот оно, в руках, и стреляет по-прежнему.

...Пятую бригаду он принялся изучать издалека. Сначала увидел несколько добротных шиферных крыш с такими же добротными телевизионными антеннами. Погодя проступили из степного марева разбросанные

вдоль речки неказистые строения. Они стояли в стороне от ухоженных домов и напоминали своей заброшенностью деревушку, в одночасье оставленную жителями. Ушли люди, а деревушка стоит себе наперекор всем срокам. Поскрипывает обветшалыми ставнями, попахивает жилым духом, который, наверное, до последнего часа сохраняют тухлявые стены.

Встретилась полуразобранная сеялка с опущенными в рабочее положение сошниками: те, как солдаты в бою, до последней секунды своей механической жизни словно пытались уложить зерна в борозду, прорезав ее даже поперек дороги, да так и остались стоять на обочине, заржавелые и никому уж не нужные на этих полях. Погрузит их хозяйская рука и отправит на переплавку. И обретут они новую, может, совсем не изведенную ими жизнь.

Потом культиватор без колеса. Словно в агонии вонзил он лапы по самую раму в землю, но не поднять уж им ее, не перевернуть. В стороне от домов на ровных площадках виднелись новые и отремонтированные сеялки, культиваторы, плоскорезы... Они, будто войска на исходном рубеже, только и поджидали команды.

Лешка не утрудил себя лишним любопытством к металлолому, а зашагал напрямик к новым домам, вернее, к одному, над дверью которого красовалась поблекшая от дождей надпись: «Столовая».

День заметно шел на убыль, и был сейчас в столовой то ли поздний обед, то ли ранний ужин. Меж столами летали сумерки, и сидели лишь в уголке за столиком двое мужчин в замусоленных рабочих одеждах и вяло, без интереса беседовали, как беседуют надоевшие друг другу люди, которым не то что беседовать, а ругаться меж собой и то неинтересно. Стоял перед ними одинокий салат из квашеной капусты, початая бутылка портвейна и два стакана. Заслышав скрип разошедшихся половых досок, они смолкли, воровато обернулись, а бутылка (чудо!) исчезла.

«Фокусники» меж тем облегченно, даже разочарованно, вздохнули — перед кем, мол, спасовали. Но души их, видно, томились по свежему собеседнику. Потому глаза их при виде Лешки постепенно наполнились мыслью, обновленной и любопытствующей.

— Терпеть не могу этого скрипа, аж нутро выворачивает, — сказал тот, что помоложе, с простецким лицом, и поглядел на Лешку выжидающе...

— И гвозди эти проклятые повылазили, все сапоги об них изуродовал. Во глянь! — задрал выше стола ногу тот, что постарше. И оба принялись внимательно изучать сапог.

Лешка не знал, как себя повести, что предпринять: происходящее походило на хорошо отрепетированный водевиль. Неизвестно еще, какая роль отведена здесь ему. И, боясь попасть впросак, он помалкивал...

Уже минут через десять дядя Вася и Петруха, так они представились Лешке при знакомстве, признали о нем, как говорится, от и до, потом выложили и все бригадные дела, какие им известны.

Так Лешка узнал, что оба они трактористы, что повариха Настя — Петрухина жена. Она и повариха и буфетчица. Что сев начнется через день-два, коль не затянут обложные дожди, а бригадира зовут Врангель.

Лешка почувствовал себя уютно. Хмельная болтовня его забавляла. На фоне собеседников он казался себе намного значительнее. Он постоянно ловил на себе любопытный и изучающий взгляд Насти. Облокотясь на стойку, она пристально глядела на Лешку, а поймав ответный взгляд, лукаво и недосказанно улыбалась. Это и будоражило и злило. Черт знает что такое! Замужем... Видно, дама оторви да брось.

Петруха затянул «Калинку» и порывался сбегать за гармошкой. Его не поддержали, он обиделся и ушел. То же пора сделать и Лешке, но он медлил, сам не зная почему.

— Меня, например, кличут Махно, — заявил дядя Вася. — Ведь они, черти, неграмотные, чего понимают? Не стригуся, кожу мохнатый, значит, есть Махно. Но ты меня так не обзывай. Зови просто дядей Васей.

— Все понял. А Врангель? Тоже кличка?

Взгляд дяди Васи на миг стал озорным:

— Ну что ты, что ты, — замахал руками и вкрадчиво задышал Лешке в ухо. — Фамилия ему — Врангель. Не доходит? Видно, родственник тому... — Он неопределенно махнул рукой. — Я еще раскопаю это дело! — погрозился кулаком.

Он заговорщицки подмигнул Насте, и Лешка не уследил — дядя Вася врал так вдохновенно, что невозможно было заподозрить.

— А ты не засиживайся тут, на меня не равняйся. Ты прямо сейчас иди к нему, — распался дядя Вася. — Так, мол, и так! Пришел я, товарищ Врангель, в полное ваше распоряжение. Ну и все остальное ему выложишь. Иди. Да, чуть не забыл — на днях новый «Кировец» в бригаду пригонят, так ты себе его требуй. Стучи кулаком — он это уважает...

Дядя Вася заботливо проводил Лешку на улицу и указал дом бригадира Врангеля. Одобряюще улыбнулась Настя и... подмигнула. Но каким-то порочным получилось это подмигивание, неприятным. Только сейчас Лешка заметил, что и красота ее отдает какими-то непривычными глазу оттенками. Это он тоже причислил к порочности и ушел насупившись.

У крыльца указанного дома стоял знакомый мотоцикл с коляской, а на крыльце его хозяин. Задрав голову к чистому небушку, он ковырялся спичкой в зубах. Это и был бригадир — недавний Лешкин «благодетель». И стало понятным поведение того на дороге. Переживает, видно, мужик за такую фамилию, а тут он вылез с Маяковским. Кому ж понравится, когда тебя все время подначивают. Он укорил себя за бестактность, но крыльцо в двух шагах и бригадир тоже...

— Здравствуйте, товарищ... — Лешка хотел сказать «Врангель», но, взглянув тому в глаза, зажевал это слово. — Товарищ бригадир.

Получилось виновато и заискивающе. «Просто глупо получилось, — отметил он про себя. — И это «здравствуйте», когда уже виделись...» Переборов застенчивость, он выдавил развязную улыбку, стараясь тем дать заявку на полную самостоятельность, и сообщил:

— Я приехал...

— Со свиданьем! — оборвал его бригадир. — Фамилия моя Добрик, а зовут меня Иваном Алексеевичем, понял? — и, дождавшись утвердительного кивка, грозно закончил: — А все врангели в двадцатых остались!

«Эх, дядя Вася, дядя Вася, — только и подумал Лешка. — Видно, скука вас тут заела. А Настя-то... Какое коварство!»

Бригадир не стар — тридцать лет, и бригадой руководит не много и не мало — второй год. Заочно учится на четвертом курсе Целиноградского сельхозинститута, но уже второй год берет академический: ни весной, ни осенью не удается вырваться на сессию. Сезон есть сезон. А бригада как была до него на последнем месте, так пока и осталась. Когда сменял своего предшественника — чувствовал себя героем дня. Но день тот давно прошел, и нынче под глазами потемнело от бессонных ночей да всяких неурядиц. Все оказалось совсем не так, как думалось и мечталось. Но верил, что долго так продолжаться бригадные дела не будут.

Сегодня вызывали в правление совхоза и для чего? Чтобы с глазу на глаз, а не по селекторной связи, услышать от директора, что такое есть посевная и как ее провести в десять дней. А посевной площади в бригаде — три тысячи гектаров. У него же всего три агрега-

та, по четыре сеялки в каждом. Это значит, что одному агрегату надо ежедневно засеять по сто гектаров. И так десять дней без перебоя. Смогут? Кто его знает... Человек, может, и выдержит, а техника обязательно подведет. Сломалась сеялка, и не скажешь ей — работай! А ремонт жрет время.

Большую обиду затаил бригадир на директора не только из-за «Кировцев», хотя совхоз получил этой весной семь новеньких машин, а пятой бригаде показали фигу. А ведь не коня бы надо подбирать под седло, а седло подгонять по лошади. Только мало кто прислушивается к бригадиру такой «расхлябанной» бригады.

А что делать?.. Однажды, когда он смотрел по телевизору «Сельский час», его даже в пот бросило от удачной мысли: такие отдельные бригады, как в «Разгуляевском» и в других целинных совхозах, надо вообще ликвидировать. Взамен создать посевные и уборочно-транспортные отряды. Обеспечив их всем необходимым для труда и отдыха, как десант, перебрасывать с поля на поле в течение сезона. Остальное время года люди будут жить в нормальных условиях на центральной усадьбе совхоза.

Осуществить этот метод бригадир бессилён без поддержки руководства. На парткоме его, правда, внимательно выслушали, а затем усомнились. Новое всегда настораживает.

Предложение, мол, дельное, но надо подождать. Тише, мол, едешь — дальше будешь. А с места в галоп — шею сломать нетрудно.

Он горячился, доказывал, сбивался с мысли, приводил в доказательство своей правоты набросанные наспех цифровые выкладки, а ему посоветовали, раз он такой ретивый, добиться первого места в бригаде, которую возглавляет, надёжными старыми методами, а там видно будет. Директору совхоза важно было сей-

час одно — хорошие результаты сева. А они не могут быть хорошими, если бригадир займется в такую горячую пору своими экспериментами.

Так думал не только директор, и бригадир, конечно, понимал своих оппонентов, но он понимал и другое: такие, как у него, тракторно-полеводческие бригады были необходимы и целесообразны в первые годы освоения целины. Бездорожье, весенние и осенние распутицы, затяжные зимние бураны и морозы — все это вынуждало к оседлой жизни в бригадах. Тогда так было надежнее и работать и жить.

Сегодня слово «целина» — первозданная, нетронутая земля — давно утратило свое изначальное значение, а значит, и жить и работать надо по-новому.

И если в нынешнюю посевную ему удастся вытянуть бригаду хотя бы на одно из первых мест, то в правлении он сможет говорить по-иному. В крайней необходимости можно обратиться в район. Ведь комплексные отряды не только повышенная производительность труда. Это прежде всего изменит быт людей. Они будут жить на центральной усадьбе совхоза, а не в этой глухомани. Другие заботы, другие интересы, иной отдых.

Вся надежда у него сейчас, или, как говорят иногда в телевизионных детективах, вся ставка на три трактора, вернее, трех трактористов, которые поведут агрегаты: дядю Васю, Петруху и Жору-изобретателя. Жора — человек семейный и надежный, разве чудит немного, но не подведет. А вот дяде Васе и Петрухе он при других обстоятельствах не доверил бы такого дела. Более того, погнал бы их из бригады наверняка. Но обстоятельства таковы, что и тот и другой — самые прижившиеся его кадры. Круглый год в бригаде. Остальные как перекасти-поле. Чуть что не по ним — ноги на дроги да и был таков.

Вот и складывается такая политика, что попробуй обидь того или другого, попробуй не дай заработать в

сезон, и тогда, как говорит Петруха, прочтем и заплачем — зимой палец о палец не ударят. А технику кто будет ремонтировать?

Надо сказать, в ремонте тракторов дядя Вася — дока, каких поискать. Когда бригадир принимал бригаду, первый, зрительный, что ли, диагноз оказался безшибочным — пьяница. Второй — неверным. Тогда думалось, что вот-вот по первому морозцу заскрипят вечно драные сапоги дяди Васи в сторону недалекого полустанка. Но нет. Не сторонним он оказался человеком. Прижился, и вроде прочно. Только странный он немного и шальной какой-то, без контроля над собой. Ходят слухи, что в большом промышленном городе оставил он жене трехкомнатную квартиру и машину, а сам здесь, в общежитии, спит на казенной койке с пожелтевшими казенными простынями. Воевал. Бывший танкист — механик-водитель.

Но на каком перекрестке повернул и по какой дороге занесло его сюда, никто толком не знал. Не любит дядя Вася распространяться о себе даже в сильном подпитии. Но не столь важно его прошлое. Важно настоящее. А в настоящем — он лучший, пожалуй, в совхозе специалист по двигателям. Так, например, отремонтированный им в эту зиму двигатель трактора на испытательном стенде в мастерской показал мощность на две лошадиные силы больше, чем ему положено по заводской норме. Этот двигатель не подведет в работе. Можно надеяться и на Жору, вот только Петруха... Этот и живет, и делает, как говорят, с пуговики на петельку.

Теперь вот — новая подмога: практикант. Сразу видно, птица залетная, до первого морозца. Почему, спросить, получается, что выпускают их сотнями, тысячами ежегодно, а работать у него в бригаде некому?

Сегодня на центральной усадьбе он в который раз затребовал в бригаду людей, и его в который раз при-

нялись вразумлять, как надо руководить бригадой в посевную. И подсунули ему очередного практиканта.

Выйдя из правления, он, как говорится, закусил удила. Изрядно подстегнули его в парткоме и окончательно вышибли из колеи на складе запасных частей, где поджимистый кладовщик наскреб их для него с гулькин нос. Это его разъярило окончательно. Он понял, что в него не верят. А как кому верят, так тому и мерят. Потому-то он и гнал «Урал» в бригаду как скаженный. Первым, кто попался по дороге, оказался этот практикант в ковбойском снаряжении местного пошива. И вот не сдержался, дошел до глупости — кепчонку с него содрал. А как он надеялся в начале своей деятельности на них — молодых, здоровых, еще не растраченных жизнью. Только надежды оказались иллюзорными.

После последнего практиканта, который на осенней пахоте загубил почти новый трактор, у него на этих «специалистов» аллергия. И в чем-то был прав. Дело в том, что пятая бригада — самая отдаленная в совхозе, и почти ничего здесь не было из того, что называют «очагами культуры». Недоставало и самой молодежи.

Бригадир добился, чтобы почти ежедневно привозили кинофильмы, но смотреть их некому. Развлекались в основном Петруха с дядей Васей: сидели с дежурной бутылкой портвейна и комментировали каждую реплику актеров, и хохотали до истерики от собственного «юмора».

И дошло тогда до бригадира, что не в кинопередвижке дело, не в библиотеке и даже не в ультрасовременном клубе с таким же оркестром, окажись они под боком.

Путаница мыслей отражалась нетерпимостью к практикантам. В них ему мерещились люди, которых ничто не связывает с землей. И появление очередного

практиканта в бригаде он расценивал как мимолетное, как вынужденную временную посадку, которую иногда делает самолет из-за непогоды на запасном аэродроме только для того, чтобы через час-другой взять стремительный разбег и взмыть в поднебесье.

Но нет. Теперь тому не бывать. Сами наследят — сами пусть и подтирают...

— Ну что? На трактор тебя, конечно? — ехидно полюбопытствовал бригадир, и Лешка понял, что гарантированный в училище на период практики трактор растворился в весеннем мареве.

— Ладно, пошли. — Бригадир широко зашагал в сторону площадок, где стояла техника. Лешка припустил следом.

Глядя на широкую его спину, Лешка отмечал размеренные движения лопаток, уверенный шаг и, странное дело, начинал испытывать за этой спиной какую-то надежность. Он доверился бригадиру полностью и думал: «Как хорошо вот так, неожиданно, увидеть в человеке совсем другое, нежели предполагаешь».

Вот и тракторы. Они стоят, подогнанные в рядок, как на смотр. «Вон тот, с помятой дверцей, будет, наверное, его. Нет, этот не годится — неказистый. Никакого шика». Его бессловесное мнение разделил и бригадир — прошел, не остановился. «Наверное, вот этот, красавец!» — Лешка не удержался, погладил облицовку радиатора. И вмиг почувствовалась под рукой укрощенная сила трактора, горячее его дыхание и запах тронутого лемехами чернозема. А на доске показателей соцсоревнования под Лешкиной фамилией загордились сногшибательные цифры.

Но бригадир не останавливался и не оглядывался — все так же размеренно двигал лопатками.

«Что же такое?» — Лешка потерянно озирался по сторонам, пробегая за бригадиром тракторы, сеялки,

плоскорезы... И спина, которой он умилялся минуту назад, показалась ему ненавистной: «И этому скучно, и этот взялся разыгрывать...» А бригадир все шел. Вот они обогнули крайний дом, обошли лужайку, по которой неприкаянно бродил козел, привязанный веревкой к колышку, а впереди до самого горизонта ничего, кроме кучи железного хлама.

Бригадир остановился и торжественно изрек:

— «Отсель грозить мы будем шведу»! — намекая, видимо, на то, что и он не лыком шит, и он в классике разбирается. Только вот «шведом» оказался разбросанный металлолом, и для начала в обязанности Лешки входило выбрать его дочиста и приобщить к этой самой куче...

Сквозь ржавчину пробивалась, кудрявилась весенняя травка. Тут же усердно греблись куры, выискивая жемчужное зерно.

— Кыш! — бригадир брыкнулся ногой и достал «Беломор»:

— Дерзай, студент!

Лешка захлебнулся от гнева и обиды, а бригадир, так же размеренно двигая лопатками, подался в обратный путь.

«Ну я тебе... Ну я тебе... наработаю!» — вышептывал Лешка, задыхаясь, и вдруг вспомнил, что смертельно устал, что не был еще в общежитии — и «суму» свою, и ружье везде таскал с собой.

Он окончательно расстроился и, проходя мимо колышка с веревкой, не обратил внимания на то, что очутился в зоне, контролируемой козлом. А напрасно...

Тот низко опустил тяжелые рога, примеряясь к тощему Лешкиному заду. Глаза его наливались жаждой жертвы.

Неожиданный удар пришелся точно по ягодицам, да какой! Он начисто вышиб из Лешки задумчивость. Кепка слетела, ружье с плеча и сумка, а сам он ткнулся носом в реденькую траву-мураву.

Чем он мог отомстить непотребному козлу? Не стрелять же в него, лупоглазого. Разве треснуть прикладом по дурацкой его башке? Обида на бригадира, на себя, на козла, на весь белый свет удушливой петлей перехватила горло, выжала из глаз слезу. Лешка подхватил ружье и ринулся на обидчика. Тот отчаянно заблеял, призывая на помощь хозяев. Почуял, паразит, расплату.

И — ужас! Лешку ошарашил издевательский женский смех. На крыльце стояла Настя.

— Сам же, дурачок, виноват, — веселилась она.

— Сама ты... — огрызнулся он сквозь слезы, подобрал амуницию и захромал подальше от этого дома с лютым козлом и заразой хозяйкой.

— Какая уж есть — на базар не несть, — не обиделась Настя, но Лешка не удосужил ее взглядом. Сразу же за углом дома он словно оглох и онемел от неожиданности, а правая нога запнулась о левую... Нет, что-то невероятное происходит сегодня с ним. Навстречу в своих огромных валенках медленно вышагивала знакомая «бабулька». Уничтожающий взгляд ее будто расстреливал Лешку в упор. «Господи, уж не ведьма ли увязалась за ним?» «Бабулька» меж тем повернула к Насте...

«Ну что ж, они так и я так, — решил Лешка по пути к общежитию. — Еще посмотрим, кто кого...» Кто «они» конкретно, он не уточнял. Просто с одной стороны были «они», с другой он.

Общежитие обыкновенное, одноэтажное. Да и откуда здесь взяться иному. Коридор с запахами гнилой древесины, умывальник, подсобка. Справа четыре комнаты, столько же слева. Двери не заперты. Вот и все общежитие.

Свободная койка обнаружилась быстро. Лешка швырнул под нее сумку, ружье, развалился поверх одеяла, поджидая соседа, и неожиданно для себя уснул. Молодой сон, говорят, белый...

Проснулся он так же вдруг, как и уснул. Солнце жарило на совесть. Вспомнил о работе и хочешь не хочешь заторопился.

Позавтракав, он вышел из столовой, обошел Настин дом, козла, смахнул рукавом ржавчину с тракторной рамы у груды железа и уселся перекурить. Торопиться было некуда. Свое положение он обдумал. На трактор его не посадят, денег он не заработает. Зато после училища его не заманят в эту бригаду. Бригадир ушлый — решил, что Лешка из тех, о которых говорят — заставь дурака богу молиться, так он и лоб расшибет. Как бы не так. Эти железяки пусть сам корячит. А Лешка пока поотдыхает...

Разоблачится до плавков и будет принимать солнечные ванны. Загар полезен для здоровья. И неизвестно — прогадал он или выгадал. Здоровье дороже денег. Потерял его — и джинсы за две сотни не нужны, на которые предполагал он здесь заработать. Конечно, не мешало бы в таких прошвырнуться перед Ленкой, но коль скоро бригадир «плюнул» в самую его душу, то и не надо. Обойдется. Как говорили в старину — и в рубище почтенна добродетель. Не надо и лавров передовиков — он не гордый. Будет отдыхать, и точка. Солнышко, свежий воздух, речка под боком — все, что «доктор прописал».

А закончит училище — махнет на стройку пятилетки, если в армию не заберут. Сибирь! БАМ! Горы! Тайга! Устроится бульдозеристом. Они нужны везде. И пускай разыскивает его «Разгуляевский». Пускай находит. Он выплатит деньги. Ему чужого не надо. Может, он столько заработает, что в один день рассчитается. Зато там — Ангара, Енисей, таежные ветры, настоящие трудности — романтика.

И понеслось Лешкино воображение по сибирским таежным просторам. Жалкой и убогой по сравнению с ними выглядела теперь пятая бригада. И снова он — сильный, мужественный, смелый...

Наяву уловил перестук вагонных колес. Показалось? Нет, всамделишный перестук, тревожный, зовущий. Железная дорога, наверное, неподалеку...

Кто знает, в какую глухомань, может, до самого Северного полюса добрался бы Лешка под этот мотив, если б не Петруха. Вынес на улицу чурбак, уселся на него, растянул мехи гармони и заголосил под статью своему петуху:

Пришла весна в мои края-я-я...

Сразу растворились в степной дымке Енисей с Ангарой, распалось таинство тайги, и размашистый мир снова сузился до пятой бригады, в которой надлежало Лешке заняться уборкой железного хлама.

«Как бы не так...» — еще раз изрек юный философ, стягивая свитер и вышныривая глазами удобное местечко для солнечной ванны.

Показался дядя Вася с мотком алюминиевой проволоки на плече. Остановился перед Петрухой.

— Вот, — высвободил плечо от проволоки, — бригадир разнарядил заклепок впрок нарубить, чтоб без дела по бригаде не шастали.

Оба тяжело вздохнули. Выкатили со двора пару чурбаков, уселись поудобнее. Не торопясь, по принципу — что ни делать, лишь бы не работать, принялись рубить зубилами проволоку. Руки заняты одним предметом, а головы совсем другим — тем самым, что надежно хранится у Насти под замком.

Первым не выдержал дядя Вася. Руки его заметно подрагивали то ли от нетерпения, то ли со вчерашнего хмельного перебора. Но начал он деликатно, издалека. Он хорошо изучил Петруху. Голова у Петрухи что часы с кукушкой, если не довести стрелку до отметки, ни за что кукушка не хлопнет дверцей, не закукует. Но делать надо это осторожно, иначе все испортишь...

Пригревало солнышко, мирно тюкали молотками по зубилам дядя Вася с Петрухой, мирно разгребали му-

сор куры во главе с гордым петухом — выискивали червей. Неподалеку возился в песке ребенок — трехлетний Петрухин сын. Загорал на капоте Лешка, подстелив свитер. Ничто не сулило беды. Но, как говорится, большие несчастья происходят от малых причин.

— Хороший у тебя козел! — зевая, восхитился дядя Вася.

— А петух-то! Петух! Красавец! Какой шаг...

Тактика дяди Васи незамысловата: похвалить козла, петуха, потом Петруху с его гармонью и незаметно перевести разговор на Настю. Мол, если муж хорош, то и жена должна быть пригожей, без норова, послушная... А тогда уже брать быка за рога, то есть бутылку за горлышко.

— Петух твой — всем петухам петух! — развивал свою мысль дядя Вася. — Гвардеец!

Стрелки «часов с кукушкой» продолжали двигаться.

— Да что там гвардеец — генерал! Рокоссо-о-овский!

Но слишком дрожали руки от нетерпения у дяди Васи и поспешил он — малость не рассчитал. Нет, в отношении психологического удара все было верно. Но чтоб нанести его сильнее в разомлевшую Петрухину душу, он при выкрике «Рокоссо-о-овский!» яростно взмахнул молотком и... пронес его мимо зубила. Удар пришелся на собственный палец.

Взвыл дядя Вася, подпрыгнул выше Петрухиной головы и, точно молодой бычок, выпущенный на волю, поскакал по двору, размахивая окровавленным пальцем. От неожиданности подскочил и Лешка, прыснули по сторонам куры...

— Убери этого гада с глаз моих! — носился по двору дядя Вася...

— Это мой петух — гад?! — взъярился Петруха и кинулся отвязывать козла. Козел, неожиданно ощутив

желанную свободу, ошалел от радости и, не раздумывая, поддел рогами под зад собственного хозяина. Громко заплакал ребенок.

Дядя Вася подбежал к куче металлолома. Выхватил стальной палец от гусеницы:

— Убью!..

И замер: в проеме двери стояла знакомая Лешке старуха. Ее взгляд и настиг дядю Васю в критический момент. И все успокоились: Петруха с козлом, потом петух, потом Лешка. Дядя Вася присел на тракторную раму, но отходил медленно. Лицо дергалось, руки дрожали. Из рассеченного пальца сочилась густая кровь:

— А он, гад, все норовит в глаз клюнуть... Тряпочку бы какую — палец перетянуть?

Старуха прошагала к ребенку, подхватила его на руки и молча удалилась в дом.

Глядя на дядю Васю, на его сутулую спину, на выпирающие из промасленных брюк костлявые коленки, Лешка вдруг поразился несоответствию между воинственным духом дяди Васи и тщедушным его телом. Словно короткий электрический разряд, ударила Лешку жалость: а ведь у дяди Васи никогда не будет ни Лешкиной молодости, ни его надежд и ожиданий. Он прожил свое будущее но не понимает еще этого и воюет...

Лешка не мыслил себя без будущего, и потому торопился прожить каждый день как-нибудь, лишь бы он скорее прошел и приблизил его к манящему будущему. В нем Лешка не мог быть таким же старым, морщинистым, ничего не достигнувшим в жизни нескладным, как дядя Вася. Жалость к нему была искренней.

Вскоре дядя Вася с Петрухой великодушно простили друг друга, ударили по рукам и ушли в столовую к Насте — требовалась бутылка портвейна для закрепления мировой. Лешка расположился на капоте и загляделся в прозрачное небо: а что интересного там, за призрачной пустотой? Какие миры?

И понеслась Лешкина мысль по далеким галактикам, заглядывая в самые тайные уголки вселенной, в самые «черные ее дыры». Воображение незаметно подменилось дремой.

— Пляжики, значит, разводим! — над головой громыхнул голос. — На Гавайские острова прибыл?! — Теперь громыхнула жесть — это бригадир рванул из-под Лешки капот, да с такой силой, что Лешка кувыркнулся через голову и, успев подхватить свитер, метнулся с испугу в степь.

— Я тебе такую характеристику нарисую! — догнал его тот же громыхающий голос. — Я тебе таких пару ласковых влеплю — навек запомнишь!

Лешке совсем ни к чему «пару ласковых» в характеристике. Он побаивался дирекции училища и потому хочешь не хочешь вернулся к бригадиру.

— Значит, так, — решительно перекинул тот на губах папиросу. — Для начала сволокешь в кучу во-о-он те разобранные гусеничные катки, потом всю территорию, до шайбочки, до шплинтника подчистишь. Проверю сам. И запомни, обедать не будешь до тех пор, пока не сделаешь нормы. Так и накажу Насте, чтобы без моего ведома ни сухарика, ни крошки! Каждому по труду, понял?!

— Понял, товарищ Добрик, — пролепетал Лешка. А понял он, что бригадир — поистине Врангель. Разве в силах он вообразить, какими высокими стремлениями, какой жаждой великих свершений переполнен Лешка? Разве может он, грубый человек, понять тонкую, чувствительную натуру? Ни сухарика... Ни крошки... Подумаешь, испугал!

Тяжело вздохнулось ему, будто все гусеничные катки уже перетаскал, но что делать? Характеристика — дело серьезное.

Опять появились Петруха с дядей Васей, опять мирно, с обновленной жизнедеятельностью затюкали

молотками. Лешка запутался в свитере — никак не попадал в рукава, а те о чем-то таинственно перешептывались, наконец окликнули его:

— Эй, школяр, послушай сюда.

Лешка вскинул глаза на Петруху.

— Давай меняться. Ружье на козла?

Не от предложения меняться, а от самого варианта обмена Лешка возмутился. Потом решил, что это одна из «тонких» шуток, и, чтобы не обижать Петруху, естественно захихикал. Но как раз на это хихиканье Петруха и обиделся:

— Я не шуткую. Тебе ружье — ворон пугать, а нам с дядей Васей для стратегии. Понимать надо.

— Стратеги! Ха-ха-ха! — развеселился Лешка.

— Вот несмышленыш, — по-доброму удивился дядя Вася. — Петрухе жену воспитывать надо. В послушании чтоб была, значит.

— Но мне-то козел зачем?

— Как зачем? — подскочили оба на чурбаках.

— Да с таким козлом... — загорелся дядя Вася.

— Да с таким козлом, — перебил его Петруха, — ты в любом райцентре гоголем ходить будешь. Это же заступник!

— Не надо мне вашего заступника, — Лешка припомнил недавнее козлиное «заступничество» и машинально почесал себя сзади. Друзья нахмурились, замолчали. Видно, обдумывали другой вариант обмена.

Лешка понимал, что они морочат ему голову своим козлом и будут морочить еще, но ружья он не отдаст. Заявить об этом категорично он не решался. Все-таки с ними работать, пусть недолго, но работать.

Он часто слышал выражение «проявлять гибкость в отношениях» и понимал, что ее надо проявлять, а как — не знал. Гибкость его выражалась подчас в нерешительности, податливости, а то и в обыкновенной бесхарактерности. Во всяком случае, таким он выглядел в глазах других. Замечая, что его гибкость пони-

мают не так, он злился и грубил. А вообще Лешка мало разбирался в своем характере, еще зыбком и неустойчивом. Но мнил себя парнем сильным, смелым, на многое способным. Сказать откровенно, он мнил себя личностью, по сравнению с которой и бригадир, и дядя Вася с Петрухой, и все окружающие были народцем так себе. Здесь его не поймут и не могут понять. Зато у него все впереди — за ним будущее.

Непонятный шум, навалившийся вдруг, словно перенес Лешку из чистого поляшка в дремучий лес. И крепкий ветер забередил листву. Петруха с дядей Васей лукаво переглянулись.

— А вон еще козел скачет, — кивнул дядя Вася в сторону косогора. Лешка взглянул туда же...

Век живи, век удивляйся! С покатога склона, высоко задирая ноги, бежал человек. На его спине был прилажен ремнями какой-то механизм, над головой вращался пропеллер...

— Жора вертолет по новой испытывает, — ответил Петруха на недоуменный Лешкин взгляд.

Жора меж тем попрыгал немного, как прыгает раскормленный к осени домашний гусь, пытаюсь взлететь, и перешел на шаг. С гусем все ясно, это Лешка понимал, в нем таится инстинкт, унаследованный от диких предков, которых с первыми холодами тянуло в поднебесье. А какой инстинкт и куда тянет Жору — неизвестно.

Меж тем Жора, крепко сбитый мужчина, подошел к Лешке. Отдышался и стянул с себя аппарат. Уселся на раму, закурил:

— Новенький? — И не дожидаясь ответа: — Как зовут? — И вновь не дожидаясь ответа: — Меня Жорой, можно и Гошей — на выбор.

— Изобретатель, — уважительно добавил дядя Вася.

— Гордость бригадира, — ехидно пополнил сведения о Жоре Петруха.

— Ну, пьянь... Ну, пьянь... — снисходительно укорил их Жора и вытер грязным рукавом пот со лба. Грязь размазалась по лицу, что привело «пьянь» в полный восторг. Но Жора не удосужил их вниманием.

— Не тянет, холера, — он пнул ногой «вертолет». — Нет подъемной силы. Придется находить новое решение конструкции, вникаешь?

Лешка пока не вникал и потому многозначительно промолчал, с любопытством разглядывая Жорину конструкцию.

— Тут главное — в идею вникнуть.

Лешка утвердительно кивнул: да, мол, в идею вникнуть — это хорошо, и придал лицу глубокомысленное выражение. Жоре «понимающий» слушатель явно симпатизировал.

— А идея моя простая, как все великое. Да, да! Вот какая, скажи, может быть идея у этой пьяни? — он кивнул на дядю Васю с Петрухой. — Да никакой! Потому что пьянь! А у пьяницы в голове не идеи, а бестолочь. Вот и мытарят Настюху с утра до вечера, а зальют глазки — буянят. Бестолочь тоже выхода требует.

— Идейный какой, — обиделся дядя Вася.

— Может, трибуну притащить с красным сукном? — обозлился Петруха. Но было заметно, что оба сознают внутреннее превосходство Жоры, а куражатся лишь потому, что есть свидетель — Лешка. Ни дяде Васе, ни Петрухе не хотелось быть посрамленными в его глазах. Но Жора щадить их не собирался:

— Вот, скажем, приедет сюда американский журналист, так? Увидит вас и что напишет о нашей стране?

— Пусть клеветает, — обреченно вздохнул дядя Вася.

— Пусть, — согласился с ним Петруха. — Мы выдюжим.

Но Жора их не слушал. Он слушал себя:

— А я ему — пожалуйста, господин хороший! Во-первых, я идеальный муж и незаменимый в бригаде человек. Во-вторых, во мне живет идея. А идея такая, что взлететь хочется без помощи других. Вот так-то!

Жора вновь вытер рукавом пот со лба:

— Летел я самолетом в Москву и не почувствовал, что лечу. Сидишь как баран, привязанный ремнем, точно на убой тебя везут, и таращишь глаза на соседскую лысину. И такая взяла тоска, аж захотелось плюнуть на эту лысину, только забоялся. Вот, думаю, столько я мечтал взлететь, во сне видел себя в небе: и ветер в лицо, и высота — жуть. А тут на тебе — вроде лечу, а вроде сижу...

Вылез из того самолета, плюнул с досады. Тут она и зацепила меня — идея. Крепко пригрел ее, родимую. Мотоцикл «Юпитер» для дела купил. Колеса к тележке сгодятся, а движочек — вот он! Ничего, еще потянет. дай срок!

...Давно все разошлись, а Лешка все раздумывал над увиденным и услышанным. Жора его поразила «идея». Расскажи он о таком чуде в училище — засмеют или почтут за неудачную «мюнхаузенскую» шутку. В наш космический век человек изобретает велосипед? Но Жора сидел рядом и захлеб делился идеей. И Лешка понимал его. Теперь, ему казалось, он понимал и того парижского портного, который на матерчатых крыльях сиганул с Эйфелевой башни и разбился. Он, как и Жора, был одержим.

У Лешки нет «идеи», как нет ее у Петрухи с дядей Васей. Он почувствовал вдруг себя обделенным и усомнился в своем превосходстве над окружающими.

Может, то же испытывают и дядя Вася с Петрухой в присутствии Жоры?

А какое, наверное, прекрасное состояние — одержимость! Если вникнуть, как говорит Жора, в суть бытия, то получится, что все новое, все самое прогрессивное вносят в нашу жизнь именно такие, одержимые идеями люди. Их иногда не понимают, высмеивают, сторонятся. Они чуточку непохожи на остальных, но знай делают свое дело. Страдают, терпят насмешки, но своего достигают. И даже если идея эта ненова, они живут ею, а не мифическим будущим, как Лешка.

И бригадир непохож на всех — тоже непонятен. Может, и он одержим какой-нибудь идеей?..

Лешка зло швырнул в кучу последнюю на сегодня железку и пошел в столовую. Запах чернозема витал по бригаде, бодрил тело, легко щекотал ноздри. Дышалось глубоко и свободно.

В столовой он оказался последним. Молча взял из Настиных рук тарелку супа, хлеб...

— Ты почему не здороваешься, а? — с наигранной обидой спросила Настя. — Иль в училище не обучают?

Лешка промолчал.

— Слышь, что скажу, — зашептала Настя и поманила его пальцем.

— Ты, это... — горячий шепот защекотал его ухо. — Петруха ружье хочет у тебя выдурить... Так не давай, хорошо?..

Лешка стоял, словно наэлектризованный горячим шепотом, и ничего не смыслил из сказанного.

— Не понял, что ль? — Настя вновь обхватила его голову теплыми руками, вновь задышала у самого уха...

— Ну, понял?

— Да, — почему-то шепотом ответил Лешка и пошел на свое место. Настя интригующе улыбнулась:

— Мы с тобой сговоримся...

Солнце к тому часу поостыло, осторожно коснулось краешка горизонта. Лешке показалось, что оно отпрянуло на миг, словно от неожиданного прикосновения чужой руки, но затем мягко опустилось за далекую черту. Знакомая прохлада разбуженных полей пробрала тело до дрожи.

Еле уловимые прежде тракторные шумы набирали силу. Заканчивался трудовой день, и спешили в бригаду с боронования трактористы. Громоздкие прицепы с боронами оставались на ночлег прямо в борозде — зачем без толку волочь их туда-сюда, а тракторы, что дикие жеребцы, неслись к бригаде напрямик через пахоту со всех четырех сторон. Казалось, что трактористы затеяли игру вперегонки.

И вот уже двигатели прямо захлебываются в разноголосье, перебивают друг дружку режимами работы регуляторов. А вот один на стоянке, второй, третий... И двигатели поочередно глохнут. Распуганная было тишина вновь обступает бригаду, стискивает уши до звона.

Лешка видит издали, как выпрыгивают из кабин трактористы, оглохшие от многочасового шума, что-то орут, хохочут, хлопают себя по груди, по бокам — выколачивают пыль из комбинезонов. Сильные, уверенные в себе люди. И кажется, рыба кость от недавнего ужина застревает в Лешкином горле. Он представляет себя жалким и никчемным, только и годным для роли «мусорщика».

— О-хо-хо, — по-старушечьи вздыхает за него недалекая речка. Он чувствует, что продрог, и плетется к общежитию.

Вечером было собрание.

— Товарищи! — попросил внимания бригадир, когда все собрались в красном уголке.

— Поприветствуем нашего дорогого бригадира! —

И Петруха, дурачась, яростно захлопал в ладоши. Кое-где захихикали. Бригадир стерпел.

— Товарищи! — продолжал он. — Сегодня мы собрались не просто для того, чтобы поставить птичку в протоколе. Мол, обсудили, решили и постановили, а переступили порог и позабыли. Сегодня мы собрались, чтобы всерьез подумать, как выбиться на первое место в совхозе...

Тесный зал охнул от неожиданности:

— Ну хватил...

— Ну выдал речугу...

— Не в ту степь поехали, бригадир...

— Из грязи в князи...

А бригадир хотя и ожидал такой реакции, вдруг заволновался и позабыл подготовленные загодя слова...

— Вот, к примеру, ДТ-54 — всем тракторам трактор! — сказал он с хитринкой и услышал в ответ взрыв хохота механизаторов. И уж серьезно добавил: — А смеяться ни к чему. Конечно, он не «Кировец», но в свое время службу сослужил на совесть. Вот вам и ответ — неплоха наша бригада, да устареела методом...

Или вам что? Нравится жить в грязи? Вы же сами клянете на каждом углу эту дыру! — Голос бригадира приобрел угрожающие нотки. — Вы же сами рветесь на асфальт, в Дом культуры. Чтоб на людях, да при галстучке, чистенькими и аккуратненькими.

А что получается? Дом культуры на центральной усадьбе пустует, а вы здесь чешетесь, да вино некоторые, как поросята, хлещут...

Я к чему толкую? К тому, что коль подфартит нам выскочить на первое место — бригаду эту к чертовой матери! Все на центральной усадьбе жить будем. И работать по-новому, и отдыхать. Я же за вашу будущую жизнь ратую!

— Ура-а-а! — завопил Петруха. — Обоганитель топливного насоса вытащу, трактор на износ пущу ради моего светлого будущего!

Но Петрухина «шутка» в этот раз не прошла. На него прицыкнули. Было много дельных и несуразных предложений, но все быстро сошлись на том, что попробовать, конечно, отсеяться раньше всех надо. Время было позднее, и никто не хотел засиживаться до звезд, потому перечить бригадиру не стали.

Затем начался фильм про любовь на сельской почве, и все разошлись по домам. Остались Лешка с Настей да несколько сонливых трактористов. Но и те вскоре, почесываясь и позевывая, побрели к выходу — завтра рано вставать.

На экране самозабвенно целовались, пользуясь отсутствием зрителя, и слышно было, как стрекотал кинопроектор за перегородкой да зевал киномеханик.

— Проводишь? — Настя поймала Лешкину руку. Он покорно двинулся за ней в майскую темень, не жалея о вымученных экранных страстях и пока не испытывая собственных.

Но вот в лицо прохладно дохнула темнота. Лешка насторожился — Настя пошла в сторону, противоположную ее дому... Спросить, куда она? Или не спрашивать?

— А как же, это... Петруха?

И прикусил язык. «Идиот!» Настя захохотала, громко, вызывающе:

— Он уже спит, аж в горле, наверное, булькает... — и как бы невзначай осторожно прижалась к Лешке. Тот шел, не дышал, мучительно страдая — до оскорбления, до обиды от близости Насти и от жуткого и сладкого страха — вот-вот потерять ее. Лешка влюбился.

Кто сказал, что влюбленному сердцу открывается вселенная до последнего стебелька, до прозрачного вздоха его? Ерунда. Влюбленное сердце слепо ко все-

му, кроме дыхания любимой... Оно, это дыхание, имеет лицо, глаза, улыбку, а главное, трепет, зовущий в счастливое никуда. И уплыла, выцвела в памяти вселенная, именуемая пятой бригадой, сгинул с души, как бельмо с глаза, шалопут Петруха, и только Настино дыхание да таинственный ее шепот наполняют до отказа ночь:

— Пойдем сядем на скамейке возле моих родителей, там рябина цветет. Пахнет горько и сладко. Пойдем-ка...

Взошла луна. С казенной скорбью высветила кресты и могилы. В ее ледяном свете Настя показалась Ундиной — прекрасной, но загубленной. Потусторонним блеском вспыхнули ее глаза.

— Какая ты красавица! — прошептал Лешка, ничуть не удивляясь ни кладбищу, ни отсутствию страха перед ним, ни странному месту свидания.

— Какая ты красавица!

Подошли к рябине. Настя смахнула росу со скамейки и, подобрав платье, села. Присел и Лешка. Сердце ухало, чего-то ждало, но напротив, почти рядом угадывались два могильных холмика.

— Они?

Настя кивнула. И Лешка уловил дурманящий запах цветущей рябины — и горький и сладкий. А Настя сказала:

— Утонули...

И потому, как она сказала, можно было понять, что горе ее давно выплакано.

— И когда это...

— Давно-о, — растянула Настя. — Пятнадцать лет тому. Мне десять годков пробило, — вздохнула, но спохватилась и озорно, с вызовом заявила: — Во, гляди, какая старая.

— Ты не старая, не старая! Просто немного пожилая, — с жаром опротестовал Лешка и тоже спохватился.

Настя засмеялась и замолчала. Потом вздохнула: — Вот, жили-были, и нет. Странно. Одна земля да рябинка... И нас, Алешенька, не будет, — и, не дожидаясь ответа, который ее и не интересовал, продолжала: — Отец был лихой мужик! Бывало, схватит речку первый лед, да такой еще тонкий, что и нам, ребятишкам, кататься боязно, а он запрягает лошадей в санки. Полозья закрученные, с резными узорами. Кони — огонь! Отец кнутом постреливает, с гиком, свистом гонит коней во-о-он с того бугра да на лед. Да намахом поперек речки. Кони задними копытами лед крошат, сани под себя его подламывают. Так и выскакивает на тот берег. А оттуда смеется матери, заманивает прокатиться.

Та не соглашается, только хохочет. Но и отец был настырным. Все ему сильных огней хотелось в душу, простора. Он и мне эту родинку в наслед оставил.

Как-то в воскресенье уговорил. Уселись они в санки. Мать причипурилась, как на праздник, отец веселый, и...

Когда санки провалились, кони до самого берега копытами лед пробили, но выскочили. А отца с матерью течением под лед. Может, и кони копытами зашибли, кто знает?

Лешка сидел как зачарованный. Следил не за тем, что она рассказывает, а как рассказывает. И лицо ее, и руки участвовали в тех далеких событиях.

— Осталась я, девчонка-недолетка, как трава придорожная: кто пройдет, тот и наступит. — Настя отодвинулась на край скамьи. — Если б не бабка — росла бы в детдоме. Потом Петруха появился, сын, и пошли другие заботы. А бабка у меня добрая...

Настя замолчала. Сидела в отдалении — чужая, неприступная, в своих мыслях.

Лешка припомнил «бабульку» в очках: «Ничего себе, добрая». «Видно, и ты такая же — из одной

сказки», — подумалось вдруг с раздражением, а вслух:

— Очки у нее странные...

— Ее изобретение, — засмеялась Настя. — Наступила впопыхах на них — стекло вылетело, и дужка сломалась. Поохала и успокоилась: на всех смотрит теперь одним глазом, а читает или шьет — другим. Удобно.

— А валенки?

— От ревматизма.

И простые эти обыденные ответы враз сорвали с «бабульки» злые чары, оборотив в обыкновенную старуху, а Настю — в обыкновенную внучку, хотя и красивую. Да и что в ней красивого? Щами насквозь пропахла... Одному Петрухе, видно, и нравятся такие духи.

Однако воспоминания о Петрухе были некстати — вмиг взбудоражили, обожгли Лешкину совесть, и он, презирая себя и Настю (тоже мне, верная супруга и добродетельная мать!), беспомощно зыркал по сторонам. Кругом кресты и могилы да тоской и сыростью пронизанный кладбищенский дух. Темно, одиноко и... страшно. И все Настя. Зачем она его сюда привела? И сидит теперь на другом краю скамьи — чужая, равнодушная — и потешается, наверное, над «желторотым птенчиком», а может, и вовсе о нем забыла.

А он-то — «молоток», сорвался с фильма, в три ноги поскакал на кладбище. И, уж не скрывая своей обиды и неприязни к Насте, он выкрикнул визгливо и грубо:

— Пойдем отсюда! Или ты тут рассветы встречаешь?

Настя не удивилась, не обиделась. Тихонько под села к нему и заглянула в лицо — близко-близко:

— Алеша — зелененький... — и вдруг зашептала горько и сладко, как запахом рябины обволакивая его словами: — Завидую я тебе... Никем не повя-

зан и молодой. Вся жизнь сильными огнями играет!
И простор...

И трепетное ее дыханье вмиг заполнило ночь, все-ленную, и вновь он задохнулся от «бега» в счастли-вое никуда, где жила красавица Настя — грустная, веселая, загадочная.

— И у тебя все впереди! — зашептал он взхлеб и перебивая ее. — Уезжай отсюда. Страна огромная. А там другая жизнь.

Где «там» — Лешка не знал, но это не имело зна-чения. Надо только уехать далеко-далеко...

Настя грустно улыбнулась:

— А бабка, семья? Нет, Алешенька, все мое те-перь здесь и надолго...

Она вдруг заторопилась, подталкивая его вперед, но Лешка не выпускал ее руки.

— Приходи сюда завтра, а? — выдохнул он. — В то же время. Что-нибудь придумаем. Придешь?

— Может, приду, — сказала Настя и как в воду канула в темноту.

Дядя Вася не спал. Лежал поверх одеяла, ку-рил сигарету и отхлебывал из кружки крепкий чай. Чайник на электроплитке пускал из носика пар. Леш-ка разобрал постель.

— К Насте дорогу торишь?

Вопрос неожиданный и хлесткий, как пощечина. Лешка замер с простыней в руках:

— А вы откуда знаете?

— Тут большого ума не требуется. Козлу понятно, не сам по бригаде ночью шастаешь. Только напрасно это, я тебе скажу. Ухажер у нее есть. Шофер с цент-ральной усадьбы. Горячий парень, между прочим.

«Пугает, как маленького», — самодовольно усмех-нулся Лешка, а вслух с подвохом к дяде Васе:

— И Петруха знает?

— Догадывается, — дядя Вася шумно отхлебнул из кружки и сплюнул в консервную банку, которая

служила ему пепельницей. — Приедет, гусь, Петруху подпоит, ну и... все дела.

Лешка насторожился. Не то чтобы поверил в эту небыль, но затосковал вдруг по теплу и полез под одеяло.

— Ты вот что, — как бы мимоходом обронил дядя Вася. — Петрухе ружья не давай. Спрячь его вообще.

— Сами предлагали меняться.

— Дурачился. У Петрухи в голове не все дома. Со стороны оно незаметно, а столкнешься поближе — почувствуешь...

Дядя Вася говорил и говорил, а Лешка лежал в постели и не слушал его. Вот это Настя!

То его захватывала обжигающая до сухости во рту ревность к Настиному прошлому, то раскаянье перед ней — невиновной и прекрасной. Это бродило уж в Лешке дурное семя, оброненное походя, и только искало места, чтобы прижиться, взойти — подсказать варианты будущей мести. А может, соврал дядя Вася? Для его же пользы и соврал — у Петрухи кулаки железные. А Настино теплое дыхание, залетев под одеяло, надолго замирало там — Алеша-зелененький... И сладко-сладко пахло рябиной.

Дядя Вася все говорил, а до Лешки, умиротворенного собственными увещеваниями, доходили лишь отдельные слова: окружение, Харьков, подбитый танк... Он ведь рассказывает о войне!

Лешка вскинулся на подушке. Встрепенулся и дядя Вася — кажется, заинтересовал малого. Оно и лучше, чем за бабьей юбкой тягаться. И продолжал:

— Ведут меня, значит, двое, тычут в спину автоматами, черти-тайфели. Тут налет нашей авиации — бомбы чиркают под носом. Дорогу впереди — вдребезги! Смотрю, кинулись они в кюветы: один с правой стороны водосточной трубы — голову воткнул в нее, как страус схоронился, другой — с левой. Я ка-

мень в руки и рраз! Одного нет. Схватил автомат и к другому. Тот корячится, плечи в трубу втискивает. Задница упитанная так и лоснится, так и ходит туда-сюда. Ах, ты, думаю, лиходей проклятый, краденый харч не впрок, и стебанул очередью по этому заду...

Ночь продирался лесом, последние силенки на кустах пооставлял, а к рассвету выскочил к своим. Потом опять танк. Ранили, значит, госпиталь. Комиссовали. И замельтешили годы, как в кино. Пить начал. Работал бульдозеристом. Трезвый — все в норме, а выпью — воевать начинаю. Контузия. И все тянет за фрикционы, и все мерещится тот фриц с жирным задом. Вот и крушу бульдозером что попадя. Довоевался. Разнес прорабскую будку в щепы. Точка, говорят, ищи профессию посмирнее. А тут жена — налево стала косить, детей против меня настраивать. Примечаю, глаза от меня отводят. Стыдятся такого отца. Жена совсем чужая, живет своей жизнью, все только деньги ей, деньги. А я вроде затрепанный бумажник, в котором они имеются.

Бродил по городу раз, и такая тоска вдруг навалилась лютая, хоть волком вой. Душно стало, тесно. Требовался простор. Так и оказался на целине.

Степные люди — особенные люди. Не в облике даже дело, не в одежде. Степь — она какая? Широкая, раздольная. Трудно в ней что утаить. Все на виду. Степь — глазастая. Каждого человека подметит с любой стороны. Говорят, человека формирует окружение. А какое тут окружение? Пусто! Степь. Незаметно сам привыкаешь жить не таясь, нараспашку. Степные люди — широкие люди. Только бы вот с пьянкой завязать. Зарекался — не выходит. Крепко эта зараза скрутила — самому не выпростаться.

Дядя Вася выкуривал сигарету «до фабрики», брал другую, подливал заварки в кружку и, теряя нить своего рассказа, задумывался.

— К чему про степных людей толкую? К тому, что вижу насквозь Петруху, понимаю. Он простака, Настюху любит по-своему... Я, конечно, не сторонник вступать в чужие жизни и не вступаю. Но и Настюху понимаю: не от счастливой доли мечется. Видел когда степную птаху, которой главные перья из крыл повыщипывали? Она-то, бедная, не смыслит, в чем дело. Прыгает с утра до ночи, хлопает крылами, а взлететь не может. Думаешь, ей Орлик тот нужен?

— Какой Орлик? — насторожился Лешка.

— Ну шофер с центральной усадьбы, что Петруху подпаивает. Они с Настей вместе росли. Раньше здесь многие жили, потом переехали на центральную усадьбу. Так вот, не нужен ей тот Орлик. Ей хочется большой жизни, чтоб на взлете, чтоб душа замерла. А Петруха чувствует, не по Сеньке шапка, оттого и в бутылку часто заглядывает...

«Ага, вот и раскололся — не нужен, значит, Орлик. И никто ей не нужен, кроме меня», — не без торжества смекнул Лешка, а дядя Вася придвинулся к нему и перешел на доверие. Глаза его в полумраке комнаты озарил предпохмельный блеск.

— Держись от Настюхи подальше. Мой тебе добрый совет. Я жизнь прожил, кое-что кумекаю. Добром это не кончится. Увидишь.

— Ладно вам, дядя Вася, преувеличивать, — Лешка нарочито громко и как можно равнодушнее зевнул, а сердце тревожно екнуло: скорее бы завтра...

Он поймал себя на мысли, что ни разу за это время не вспомнил о Лене. И теперь подумалось о ней как-то вяло, вскользь. Черты лица ее размывались и блекли в памяти. Она затмилась живым и притягательным лицом Насти. И видеть ее завтра было необходимо. Он пытался отогнать такое наваждение, пытался высветить в памяти Лену, перебить былыми впечатлениями сегодняшние. Но тем ярче виделась

Настя. С раздумьями о ней ушел он в сон, по-молодому крепкий и покойный.

«Кино! Вот это кино! «Практикант в деле!» Комедь! Побольше бы таких. Эй, Лешка, может, вторую серию закажем?» — так примерно спустя этот новый день будет шуметь вся бригада, и ничего не попишешь — было...

А было утро 9 мая. Бригаду облетела весть, что на центральную усадьбу приехали с концертом артисты из области, и все засобирались... Никто не хотел работать — праздник! Не прельстила даже оплата труда в двукратном размере. Как ни упрашивали, как ни совестили механизаторов бригадир с учетчиком, но те, разнаряженные уже, сидели в машине и требовали отправления. Сидела там и Настя в новеньком платье, расфуфыренная — куда тебе. Торопливо принаряжался и Лешка, боясь упустить машину с Настей. А бригадир все призывал к совести, и Лешку вдруг осенило: а что, если...

Он подошел к бригадиру и как бы нехотя сказал: — Я бы мог поработать...

Захохотали. Бригадный сторож дед Витя с ходу свое место предложил. Совсем развеселились. Потом решили — а почему бы и нет? Но трактор никто не решается дать: угробит машину практикант.

Тут вдруг один (Прыщом его в бригаде зовут) подморгнул Лешке клейким веком — согласился. На прощание целую лекцию прочитал: на какой передаче с горки, на какой под горку... Как лучше солончаки объезжать.

Лешка слушал, терпел.

— И еще, — вздохнул тот под конец застенчиво и даже с грустью. — С тебя причитается... К праздничку.

С хохотом, с песнями увезла машина Настю, и в бригаде стало безлюдно. Но Лешка не огорчился —

сегодня настал его звездный час. Сегодня все узнают, на что он способен. Он подошел к сторожу и с сознанием превосходства спросил:

— Дед, а дед? Что такое водяная рубашка?

Тот и рот разинул. Потом поинтересовался, как ее надевают? Она небось расплещется.

— Ха! Ха! Ха! Ну и дед! Систему охлаждения решил на себя напялить, — торжествовал Лешка.

Но и у деда свое превосходство имеется. И со знанием дела орет он в самое Лешкино ухо:

— Слышь-то, капитан, чьи порты-то не убраны валяются? Ну-кась, собери их в кучу, не забывай про свое дело. Они хоть и не водяные, а уплыть могут.

— Иди-ка ты, дед, отдохни сегодня, — посоветовал ему Лешка и счастливый полез в кабину трактора. И вскоре, лихо развернувшись, катил в поле. Дед Витя уже успел справить праздник и прилег отдохнуть у заправки...

Кругом простор, а под руками сила мотора, которая только Лешке и подчиняется, и он один только властен утихомирить ее или дать ей великую размашку. Сначала он следил за работой мотора, будто к сердцу своему прислушивался. Потом привык, успокоился.

Лешка — человек впечатлительный. Случалось, одно слово, оброненное кем-то недели, а то и месяцы назад, вдруг всплывало в памяти и не давало ни спокойно поесть, ни поспать. И вот сейчас в его голове, как на попорченном витке грампластины, звучало и звучало, повторяясь, четверостишие из стихотворения Сергея Есенина. Сборник стихов с его портретом на обложке он листал месяца два назад в библиотеке училища, подбирая интересное «что-то». Он мало что запомнил из мимолетного пролистывания.

Теперь же неожиданно высветилось в памяти это четверостишие и не давало покоя своей складностью.

Он находил в нем особый и, казалось, одному ему доступный смысл. Как хотелось иметь под рукой эту книжку, но ее нет, и Лешка, покачиваясь на сиденье, повторял и повторял:

О Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку, —
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Думалось, что он как никто понимал теперь поэта, только не тоску он ощущал, а радость в этой солнечной степи, такой ласковой и глубокой, где ковыль и небо! И ветер знойный бьет в лицо.

И вот его первое поле. Бескрайнее. И Лешка в нем один.

Два круга «легги» под трактор охотно и быстро. Два, а будет два-а-а-адцать! Две нормы, а может, и больше. А они все учат: на какой передаче с горки, на какой под горку — «педагоги»... Да я каждую шестеренку в коробке передач вот этими руками перебирал!

Вот и высохший солончак. Этот не страшен. Можно рядышком проехать по сухому верху. Вот так... Но что это — гусеницы облепила вязкая грязь. Мотор вошел в нагрузку, резко снизил обороты и захлебнулся.

Лешка успел выжать сцепление, трактор взревел вхолостую, а Лешка почувствовал, как проваливается вместе с трактором в грязь. Он лихорадочно отпустил сцепление и рванул на себя фрикцион, отчаянно пытаясь выскочить из гиблого места. Но трактор задрожал, дернулся гусеницами, и мотор, не осилив грязи, заглох, полыхая жаром.

«Вот дубина! Скорее отцепить прицеп! Бороны вытащу потом», — прищептывал Лешка, воровато зырящая по сторонам.

Но заднюю серьгу уже всосала грязь. Он бросился разгребать ее руками и кое-как выбил молотком шкворень. Потом запустил двигатель и попробовал выехать вхолостую. Гусеницы свободно заскользили на одном месте — трактор повис на брюхе.

Было тихо и ясно, а по непаханому простору бежал худосочный суслик. Лешка от обиды выскочил из кабины и припустил было за сусликом. Потом остановился. Встал столбиком и суслик: лапки свесил, брюшком голодным дергает, будто хохочет.

«Прогонит бригадир-то из бригады. Ох, прогонит... Не дадут проходу в бригаде. Таскать тебе железки до конца практики, не перетаскать. Ох, смехота! Ох, уморил, неумеха!» Он зажал ладонями уши, потом схватил комок земли. Но бросить не успел — суслик прыснул от него и прямо к бригаде...

И вдруг Лешка рассмеялся: «Господи, чего же проще-то? Ой, спасибо суслику — надоумил!»

И побежал Лешка через поле. Напрямик до бригады километра три. В ботинки набивается песок. Ноги утопают в мягкой пахоте — тормозят. Но добежал.

Треск пускача в бригадной тишине мог разбудить мертвого, но не деда Витю. Лешка выбрал крайний от деда трактор и на тихих оборотах укатил прочь.

У солончака зацепил тросом севший в грязь трактор. Трос натянулся, заскрипел. Из выхлопной повалил черный дым. Содрогаясь, трактор двинулся вперед маленькими рывками.

— Ничего, ничего, ничего, — подбадривал Лешка себя и трактор песенкой из кинофильма «Бумбараш». — Сейчас мы его вызволим, а тебя на место доставим.

Мотор стонал и надрывался, а оба трактора не двигались. Лешка засмотрелся назад, а когда обернулся — обомлел: гусеницы нового трактора тоже ушли в грязь. Сухой была только верхняя корочка

земли, а под ней болото. И этот трактор повис на брюхе, болтая вхолостую гусеницами.

Солнце стремилось к полудню, шпарило спину, а Лешка, загребая ботинками песок, спешил к третьему трактору.

«Зачем подогнал прямо в лоб? Нужно было сбоку, по сухому», — объяснял он сам себе.

Теперь Лешка был ученым. На третьем тракторе подъехал к солончаку сбоку. Зацепил трос и...

«Все-таки нужно было под меньшим углом вытаскивать. Кто же ставит трактор почти поперек севшему, идиот!» — ругал он кого-то, а скорее всего себя, вылезая из кабины ставшего беспомощным третьего трактора.

Бросить бы все и убежать. Но куда? И он побежал... За четвертым. Напрямик через пахоту.

Дед Витя храпел по-прежнему, только уже в холодной. Этот трактор Лешка угнал по-воровски и тоже посадил — не владели руки. Потом пятый...

Садилось солнце. В болоте стояло пять тракторов. Такое скопище железной мощи у всякого вызовет восхищение. На капотах издевательским блеском играли закатные лучи.

Лешка сидел на колесе прицепа и глядел туда, где в красноватом зареве горизонта метался по опустевшей бригаде дед Витя.

«Будешь знать, как спать, — думал он. — Так тебе и надо. Проснулся бы раньше, может, ничего и не было бы».

Повозились механизаторы после концерта на совесть. Злобой, а потом насмешками довели Лешку до слез. Тракторы, конечно, вызволили, а бригадир пообещал Лешке вклеить в характеристику «благодарность».

На том и закончился Лешкин звездный час, затянувшийся до самых потемок. Настя одна и посочув-

ствовала ему молча. Он это видел. Придет ли она завтра?

Неторопливо укладывалась на отдых степь. И вскоре задремала, чуткая и настороженная, окруженная дозорными огнями широко раскиданных по ней целинных поселков и бригад.

Не мигала, не качалась на столбе у столовой лампочка. Светила ровно. Тихонько постукивали тельцами о ржавый ее абажур ночные мотыльки. Так же ровно плыл электрический свет в потемки, растворяясь в них, и, может, манил из ночных глубин запоздалого путника, в кровь сбившего ноги на коварных ночных дорогах. Ночь в целинных степях — мастерица напустить дурмана в глаза: пригладит бугры и колдобины, сместит расстояния и приветит недосыгаемыми, а то и несбыточными огнями.

Прошла добрая половина ночи, а в пятой бригаде не спал один человек — бригадир. Ворочался, кряхтел в ответ на злобное шипение жены. Пробовал заснуть, вновь ворочался, вновь закуривал и думал...

Да и как уснешь, если не сегодня ночью, так завтра утром обязательно будет дождь. Об этом весь вечер кричал закат, и резкие порывы ветра — раз ветер, значит, дождь. А это еще один день коту под хвост. А земля подошла, словно тесто в квашне, и каждый лишний день без сева — преступление. Только ничего не сделаешь с мокрой пахотой: облепит грязью сошники и колеса — ни туда, ни сюда.

...Уснул бригадир далеко за полночь, и сон его был таким же тревожным и настороженным, как ночная степь. А немного погодя, сначала вдалеке и тускло, потом все ближе и ярче высветили темноту грозные всполохи. Вот они охватили полнеба. И как бывает в казахстанских степях, неожиданно и ярко, до рези в глазах полоснули небо от края до края сразу несколько молний, будто раскололи его вдребезги.

Над пятой бригадой гроза. Она билась в стекла, долбила шиферные крыши домов, смывала штукатурку со стен — бесилась до рассвета.

А утром взошло солнце, молодое, ласковое... Небо под ним было прозрачным. Натерпевшись за ночь страха, горласто и радостно приветствовал обновленную степь Настин петух. Он тоже любил жизнь!

Проснувшись, Лешка не застал дядю Васю. Увидел кое-как заправленную койку да недопитый чай на столе — бригада, невзирая на ночной дождь, видно, готовилась к посевной. В окно слепило солнце.

Что ж, видно, после вчерашнего «рекорда» его оставили в бригаде на положении аристократа. «Чем плохо», — подбадривал он себя, натягивая не обкатанную в настоящей работе спецовку, зашнуровывая крепкие рабочие ботинки. Но ощущение собственной никчемности и непричастности к делу зрело в нем за поздалой тополиной почкой — еще день, от силы два, и она лопнет, затрепещет на ветру крохотным зеленым фонариком.

В столовой Настя ошпаривала кипятком большие армейские термосы — готовила их к вывозу обеда в поле.

— Я уж думала, с голоду помрешь, не проснувшись...

Шутка походила на издевку. И странное дело: в хлопотливой сегодняшней поварихе ни капельки не осталось той, «подлунной», Насти. Ради чего он, балбес, переживал? Нафантазировал черт знает что.

Лешка позавтракал и взглянул на быстрые, обляпанные жиром Настины руки.

— Спасибо, пойду, — но не уходил. Чего-то выжидал.

— Иди, — не отрываясь от работы, пожала плечами Настя: мол, мне-то какое дело? И Лешка побрел

на улицу. На ходу для острастки ухватил какую-то железяку и поволок ее к знакомой куче.

...Не замедлил пожаловать этот легкий на помине Орлик. Залихватски развернул у речки новенький КамАЗ и с шиком притормозил у Лешкиных «сокровищ». Легко выпрыгнул из кабины, хлопнул дверцей, будто Лешкино ружье выстрелило, и закурил. В растянутой кожаной куртке, в кожаной граненой кепке, высокий, осанистый и, судя по всему, сильный парень лет двадцати пяти.

Он обошел вокруг кузова, деловито проверил надежность веревочных узлов на брезенте, который прикрывал груз, деловито пнул ногой задний скат. Достал из-под кузова резиновое ведро и властно потребовал пальцем Лешку. Тот подошел...

В цыганистых глазах Орлика сквозила насмешка. Он оглядел Лешку с ног до головы и, прицокнув языком, сверкнул золотым зубом:

— А я что говорю? Салажонок! — воскликнул так, будто Лешка себя назвал салажонком, а он лишь подтвердил это как факт, и продолжал: — Вот ведро, вот радиатор! Быстро за водой. Нога здесь, другая у речки. Усек? Тогда — вперед! Я в столовой.

Не успел Лешка возмутиться и швырнуть дурацкое ведро Орлику под ноги, как тот играющей походкой зашагал к столовой. Он не сомневался в том, что все будет сделано, как сказано.

А Лешка все стоял с резиновым ведром в руках, пока не заинтересовался незнакомым ему двигателем КамАЗа.

Изучая двигатель, он ни на секунду не забывал о столовой — дверь как закрылась за Орликом, так не открывалась. Вскоре его охватило беспокойство: ну и Настя... Ну и сиротка...

А может, сходить туда, воды вроде попить?

Тут дверь с треском распахнулась, и, вращаясь вертушкой, вылетела из нее граненая кожаная кеп-

ка. Лешка знал, в каких ситуациях вылетают здесь головные уборы, и вмиг беспокойство сменилось злорадством: так ему, так! Молодец Настя!

Хлопнула дверца, машина рванула с места и... только пыль да бензиновая гарь остались от Орлика.

Лешка торжествовал. Теперь он наверняка придет вечером на кладбище, потому что наверняка придет Настя.

Он сегодня немного взбалмошный, хочется куда-то спешить, что-то делать, но день и не думает сматывать удочки, а от Настиного дома с корявой лавочки манит знакомая старушка:

— Подойди-ка, парень... Вижу, что торопишься. Молодые старых обходят, некогда им нынче, да и нечего с нас взять-то, со старых.

Лешка подошел, и та ухватила его цепко за рукав:

— Может, и старые умное слово знают.

Лешка заскучал: «умное слово» растянется теперь на полчаса. Старушки молчат так молчат, а если прорвет — не остановишь.

— Покороче, бабушка, а то мне...

Старушка сердито цыкнула:

— Не будь тороплив, будь внимателен. Может, видел когда вихряки в степи? Того дня один сюда налетел, двух цыпляток унес, чтоб ему покоя не было.

Лешка видел эти вихряки — степные смерчи — и слышал от других, как однажды в этой степи пронесся такой силы смерч, что закрутил и унес в поднебесье грузовик вместе с шофером. И потому, наблюдая даже издали за невеликим смерчем, он всегда испытывал панический страх, какой испытывали допотопные граждане, наблюдая первый огонь.

— Налетит на человека, — продолжала старуха, — закрутит, весь покой из него вытрясет в мешок. А человеку беда. Порченный он, но не понимает,

что творится с ним. А все куда-то его тянет, гнетет, места он не находит. Кто начинает что-то искать, кто изобретать, вон, как стебанутый Жора — того тоже вихряк крепко покрутил, а третий сам не знает, что ему не хватает, за собственной тенью гоняется.

На то рассказываю, что не знаю, как ты, а Настя наша такая же. Еще дитем ее вихряк до того козла протащил. Стала я после примечать, что не так она растет, как все нормальные дети. То бегаёт хихикаёт целый день, а то забьётся в угол и притихнет, как мышка...

Лешка мало вникал в болтовню старушки, но когда она коснулась Насти, напрягся и замер: здесь каждое слово имело для него глубокий смысл. Даже не сами слова о Насте, а только их звуки складывались в замечательную музыку.

— Так стала я примечать, что ты у нашего двора часто без дела шлендаешь, — водянистые глаза старушки выжидающе глянули в самую его душу и смутили.

— А правда, что Петруха разводится с Настей?

Вот уж действительно: плюнешь — не проглотишь, молвишь — не воротишь. Со всеми потрохами выдал себя Лешка. Но старушка осуждать его не спешила:

— У них по семь пятниц на неделе — как расходятся, так и сходятся, только тебе от этого никакого проку. Толкую ж битый час — порченая у нас Настя. Сегодня так посмотрит, завтра по-другому, а ты останешься с носом. Молодой да красивый... Будет еще у тебя всяких и разных девок — хлопот не оберешься. Плюнь на нее и разотри и иди своей дорогой, — старушка сурово поджала морщинистые губы. — Или шторы у тебя на глазах? Не видишь, ребенок у нее, муж, какой-никакой, а законный, богом даденный. Ей с ним жить.

— А как же Орлик?

Бедная старушка лицом переменялась. Затопала ногами, засучила тщедушными кулачками, как гусак, злобно зашипела:

— За Орлика Насте ответ перед богом держать. Я не раз ей о том говорила. А ты если под окнами появишься — вилами заporю!

Злоба так и клокотала в старушке, будто трясухая на нее напала. Лешка боком, боком и за угол.

«Почему все всполошились? Ведь ничего нет, — недоумевал он, а сердце кричало: — Есть! Есть он, и есть Настя. А это главное».

Мысли вихрились, и казалось порой, что он обитает не в реальном мире, где сырость от близкой речки мешает с горячим духом железа, где суется в бригаде люди, а в неразгаданном сне, где все ново, необычно, и оттого сильно колотится сердце — что-то будет...

А было все просто: молодой организм требовал новых ощущений и отыскивал их во всем: в дяде Васе, в Петрухе, в необычном для свежего глаза ровном пространстве степей и, конечно, в Насте. Во всем том, что составляло в этот момент Лешкино бытие, которое, как известно, определяет сознание. Эти ощущения оседали в его душе на долгие годы, как оседают они, наверное, в душе каждого человека в юности, чтобы поманить потом своей первозданностью издалека — а помнишь?

Лешка, конечно, об этом не думал сейчас — он ждал свидания.

После обеда взвизгнули пускачами, ожили три трактора — надежда бригадира. Он решил начать сев все-таки завтра с утра. И, чтобы не терять попусту время, перегнать сеялочные агрегаты на отдаленные поля сегодня. Туда же перетащить и передвижную топливную заправку, водовозку, передвижную ремонтную мастерскую. Бригадир, хорошо зная современные методы сева, пытался придать своему звену хотя бы

видимость комплекса, где все неожиданности предусмотрены.

Жора, Петруха и дядя Вася подогнули тракторы к агрегатам и занялась сцепкой. Наблюдал за ними Лешка издали и удивлялся: куда девались безалаберность и чудачество? В выражениях их лиц, в несуетливом молчании, в расчетливых движениях, в понимании друг друга без слов сквозила какая-то торжественность, какая-то непонятная ему значимость...

И вот один за другим агрегаты вырулили на дорогу и покатали на отдаленные поля. Мерный рокот тракторов растворялся в просторах.

Лешка выполнил сегодня норму, установленную бригадиром по сбору металлолома, но тому некогда — укатил по раздрызганной дороге в правление. Не пришел, не проверил. Кому Лешка теперь нужен со своим мусором? Знакомая обида, как в детстве, когда он старался обратить на себя внимание, а его не замечали, щемила в горле.

С полей потянуло влагой. Машина подвезла к столовой запыленных механизаторов. Они спрыгивали с бортов и, пыля комбинезонами и устало разминаясь, спешили кто домой, кто к умывальникам, а оттуда в столовую. Настя, не выделяя никого, покрикивала на нетерпеливых, а Лешке казалось, что она сама торопится, боится опоздать на свидание...

Как лихо она «отшила» Орлика. А из-за кого? Конечно, из-за Лешки. Теперь вот этих едоков надо накормить. Ну, скорее вы, скорее глотайте свою кашу, ее и разжевывать не надо. Раз, два и вылетай из-за стола. Ведь ей еще небось и мыть за вами.

Эх, если бы можно было тарелки самому помыть! Тут Лешка насторожился: «Я ведь железно люблю, раз посуду мыть собрался...» Сладко ужаснулся он, ничуть не подозревая, что желание это было продиктовано не столько любовью, сколько бездельем, томившим его уже которые сутки...

Неожиданно в бригаде появился «газик» с центральной усадьбы, но не с бригадиром, а с молодой пухлой кассиршей. Зарплата! Новость облетела бригаду, и люди заспешили в конторку...

Петрухину зарплату получала Настя, а дядя Вася расписался в ведомости собственноручно и хрустнул перед Петрухиным носом новенькими десятками. Заманчивый их хруст до тоски смутил Петруху, заставил ощутить «обкраденный» карман, и он преданно, почти любовно взглянул в глаза дяди Васи...

Когда пригасли последние блики заката, вернулся бригадир. Ровно медведь-шатун, метался он по бригаде, сразу же и четко сообразив обстановку:

— Какая сволочь напоила дядю Васю?!

Днем раньше Лешка и сам испугался бы такого гнева, но теперь близость свидания с Настей вытеснила все. За окном быстро темнело. Пора! От волнения он не заметил, как оказался на улице. Он припустил к заброшенным постройкам, за которыми располагалось кладбище.

Вот и скирда прошлогодней соломы, где они расстались. Он торопливо обогнул один за другим четыре ее угла. Никого. Насти не видно.

Не пришла! Разгоряченный бегом и волнением, Лешка не мог уняться. Не мог примириться с тем, что ее нет. А может, опоздала? Мало ли что выкинет Петруха? А может, спряталась и наблюдает сейчас за ним, смеется?

Он еще раз обошел скирду, но ничего не обнаружил. И как-то сразу стало ясно, что Настя не придет. Темнота и безмолвие подступили к нему, и он отчетливо осознал, где находится: ночь, степь, скирда, рядом кладбище... И, стараясь не слушать вдруг пробудившейся тишины — жутких вздохов, шорохов — и не сдерживая больше расходившегося сердца, он ринулся сквозь ночь напролом к общежитию.

И вот в темноте полыхнули огни из окон столовой. Яркие, праздничные... Лешка не поверил глазам — с чего бы это? Но уж дальше бежал им навстречу, забыв о страхе.

В столовой дымно, тесно, душно — празднично. Механизаторы гуляют. И Настя как ни в чем не бывало сидит себе за столом, от смеха давится...

Лешка побелел и с ненавистью, заменившей вмиг недавнюю любовь, взглянул на Настю. Вскоре в поисках места он был притерт дружескими плечами прямо к Петрухе и Орлику...

Тот лихо тряхнул смуглыми кудрями, раскинул руки, будто душу всем распахнул:

— А я что говорю?! Работать так работать! Гулять так гулять! — В глазах Орлика светило озорство и какая-то затаенная уверенность:

— Как живем-можем?

— Мы-то живем, а вот ты можешь ли? — озорно глянула на Орлика Настя.

Петруха меж тем разгомонился, облапил Орлика за плечи:

— Ты послушай, мил человек, напраслины не скажу. Хороша у меня жена, а?

— Хороша! — откликнулся Орлик за спину Петрухи и подмигнул Насте. Она распрямила плечи от этой похвалы и загадочно улыбнулась.

— А ты хоть и хитер, как цыган, да борода-то у тебя рыжая, — невесть к чему сообщал Петруха. — Издалека заметна. Мишень. А у нас, между прочим, ружье имеется. Самое настоящее, осечки не дает... Скажи, Лешка?

Лешка молчал, не знал, что ответить на неожиданный вопрос, удивляясь и негодуя на окружающих — над чем это они смеются. А Петруха тянулся к Лешке, настойчиво теребил его за рукав:

— Нет, ты скажи! Имеется у нас ружье или я вру? — В глазах озорство.

— Хватит, Петруха, — это добродушный Жора. — Имеется ружье, успокойся, — и к Лешке: — Не бери в обиду. Понимать должен.

— То-то, — выдохнул Петруха и обмяк, а Жора уж подсовывал ему гармонь:

— Народ песню желает, уважь?

— И-и-эх! — растянул мехи Петруха, будто отдушину отыскал. — Как за черный Ерек, как за черный Ере-е-е-ек...

Меж тем Орлик, заметив перед ним пустой стакан, налил его и заговорщицки кивнул — давай, мол, тяни. Лешка выпил.

Потом голосил вместе со всеми про Ерек, клялся в любви и преданности всем подряд, за что в награду получил чью-то благодарную и пьяную слезу, и наконец, дерзко глядя в Настины широко открытые от недоумения глаза, пообещал Петрухе подарить завтра ружье.

— Да зачем завтра! Бери сегодня, пока я добрый! — заорал он и недвусмысленно показывал на Орлика. — А то завтра поздно будет...

Что было потом, не помнит. Помнил только, как, ослепший от ночи, цеплялся руками за что попало, пытаюсь поспеть за Петрухой, но того как ветром сдуло. И темнота...

Очухался в поле. Густая и короткая майская ночь редела.

В глазах мельтешили блески. Но все это было уже признаком жизни — сознанием, памятью, мыслями, вернувшись к нему, в коих защелкало, как по морзянке: Настя. Ружье. Петруха. Орлик. Все это переводилось тут же на ощущения: и яростной безысходной обиды, и жажды мщения, презрения, и снова обиды. Он вдруг вспомнил Петруху, рухнувшего в ночь, вспомнил его зловещее обещание — ну, сейчас я вам

устрою тот еще тир! И мир потерял смысл, кроме одной, пронизывающей, как пуля, мысли — свершилось непоправимое...

Лешка бежал к общежитию. Вот и коридор, обитая дерматином дверь комнаты, кровать... Вот и ружье в чехле...

А вот патронташ. Четыре патрона заряжены картечью. Все на месте, как вчера.

Утро. Как медленно оно заступает и как до последнего сизо-черного вздоха сопротивляется ночь.

Сидит Лешка на обочине улицы, в коленях зажатое ружье, и совсем не дождь капает на вороненую его сталь. Небо в это утро выдалось ясным, словно ничего под ним не произошло.

Степь просыпалась. Спешили к бригадной машине люди. Все: и дядя Вася, и Жора, и Петруха...

И Настя. Вот она протянула Петрухе термос с чаем, и тот привычно перекинул его дяде Васе. Вот что-то сказала, и все трое захохотали...

И в этом их смехе, в привычных жестах и напутствиях проглядывалось нечто сильное, прочное, что единило их личные жизни в одну общую главную жизнь, какой у Лешки не случилось. Иначе не заострял бы он внимания на мимоходных страстишках, на случайных промахах людей, подводя поспешную черту и навязывая им чужие — не их характеры. Не доводил бы он своего воображения до абсурда, где померещилось ему даже кровопролитие...

Из столовой меж тем выходили последние механизаторы. Торопились, зубоскалили по пустякам. Настя снова подошла к Петрухе, застегнула верхнюю пуговицу на его рубахе... И, разглядывая все это и наливаясь до бровей ярким стыдом, Лешка зыркнул по кустам, собираясь кинуть в них навсегда свое ружье...

«А ведь действительно ничего не произошло. Просто я дурак», — подумал Лешка. И не успел он на этот счет ни порадоваться, ни огорчиться, как перед ним вырос бригадир:

— Сегодня станешь на сеялку. Пошевеливайся.

Солнце медленно накалялось. Степь казалась оранжевой и млела от тишины и покоя. Машина набрала скорость.

Остановились у сеялочных агрегатов на меже между распаханном полем и нетронутой степью. Продрогшие, спрыгивали прямо в степную благодать. Пахло травами и железом. Остро. Стойко.

Что-то величественное виделось Лешке в ковыльной целине. Он жадно вдыхал ее запахи, и тело набирало необычайную легкость. Хотелось, как в детстве, бежать, прыгать, кувыркаться. Но Лешкиным напарником на Жорином агрегате оказался пожилой и неразговорчивый казах Тулиген — не распрыгаешься. Пока Жора готовил трактор к запуску, они смазали и проверили рабочие узлы своих сеялок. Тулиген все делал молча и по-хозяйски уверенно. Лешка украдкой копировал его действия. Выходило.

Подъехал зернозаправщик, загрузил сеялки зерном.

Но вот взвизгнул пускач одного трактора, второго, третьего. Агрегаты вошли в загонки, и начался сев.

...Когда ветерок дул навстречу, еще терпелось. Всю пыль от гусениц и сеялок относил назад. Когда же трактор пошел по ветру, в пору надеть противогаз. Настерпимой жарой бьет от перегретого двигателя.

И, смахивая пригоршнями пот с лица, выжимая, казалось, последние силы, Лешка тянул на себя фрикцион...

«И он докажет! Раз доверили сделать пару кругов на тракторе — докажет». От пыли не видно следа маркера, да и самого маркера не видно, и Лешка, вглядываясь до рези в глазах, вел трактор, иногда почти интуитивно угадывая колею...

— Эй, Алеша, может, добавки?

Оказывается, уже обед. И он, оказывается, уж проглотил свой гуляш, не оценив даже умения Нас-ти. И тут же повалился на землю.

И сон — долгий, знойный, пыльный, где снова и снова рябило, укачивало от бесконечной борозды, где ломило уши от рабочих шумов, а в огромном, похожем на лишай солончаке, словно временный обелиск, окаменел Жорин трактор. И они — Жора, Лешка и Тулиген — расцепляют и вытаскивают сеялки из грязи, каждую в отдельности...

Наконец взревел трактор, ожил и двинул напролом к свободе. И вмиг стянуло дыхание — взыграли, забились в Лешкином сердце сильные огни, толкнули вперед за трактором. И стальные гусеницы, ломая на повороте целину, загораются солнцем...

И так десять дней. И сон, и явь — все перепутается в Лешкином сознании, и лишь крепкие толчки дяди Васи будут оповещать его о новом утре.

Всему рано или поздно приходит конец. Придет к концу и посевная. Засеянные поля дадут всходы. Земля преобразится. Добрый, видать, подыметя урожай! И от общей этой радости засмеется, наверное, и Лешкина душа...

Возвращаясь в последний раз с поля не на машине, а на своей сеялке с поднятыми сошниками, и не по пыльной пахоте, а по укатанной дороге в бригаду, Лешка припомнит и тот случай как забавный эпизод, каких было много за две самые длинные в его жизни недели: радости, огорчения, обиды и снова радости...

Лешка обозревал доступное глазу пространство, и что-то близкое чудилось ему в степной шире.

Эх, и красива степь на рассветах!

Она дышит...

Словно сотнями дыханий, оставивших ей последнее «прости», дышит она, и не смутить ее ничьими страстями, ничьими судьбами. Она сама их вершит. Все так же, как и вчера, как и тысячи лет назад, зависнет над ней вечный жаворонок, подхватят его песнь травы, и до самого горизонта зазвучит тогда тихая и сильная музыка жизни.

Вон, у самой дороги, на обочине, выскочил росточек. Прозрачный пока, слабенький... Но к жизни пробился — озирается... Десятки ботинок пробухали рядом, а он знай себе — тянется ввысь, трепещет на легких ветрах. И не нашлось такой ноги, чтоб раздавила, втоптала в грязь крохотное, но живое это трепыханье. Малое да беззащитное само напрашивается на людскую доброту.

И вырастет, быть может, из оберегаемой этой былинки жесткий репей. Намертво вопьется корнями он в землю. Встанет среди дороги, загородив ее людям. Будет рвать одежду, ранить в кровь ноги...

А может, напротив? Редкой, может быть, красоты цветок вызреет из того росточка? И сполна отблагодарит он людей за их бережливость к нему, озарит лица их радостью.

Кто знает...

Степан Герасимович ЗАЛЕВСКИЙ

НА ЛЕГКИХ ВЕТРАХ

Ответственный за выпуск **С. Лыкошин**

Редактор **В. Кукушкин**

Художественный редактор **В. Недогонов**

Технический редактор **Н. Александрова**

Корректоры **В. Назарова, Т. Пескова**

Сдано в набор 06.11.81. Подписано в печать 14.01.82. А06417.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Условн. печ. л. 2,8. Учетно-изд. л. 2,8.
Тираж 75 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1904.

Адрес редакции: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская, 5а.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская ул., 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». Адрес типографии: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—42. Заказ 2977.

В очередных выпусках «Библиотеки журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» читайте:

Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ. Орлиный камень. Стихи

Алексей ЛОГУНОВ. Куликовские притчи

Валентина КАЛАШНИКОВА. Имя земли. Стихи

Сергей АЛЕКСЕЕВ. Тайна третьего кургана. Повесть

Александр ДАНИЛЬЧЕНКО. Один на один. Повесть

20 коп.

Молодая гвардия

